

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

УДК 930.8 (471.6)

DOI 10.31143/2542-212X-2021-1-26-66

**ИНСТИТУТ ВЫЕЗДА НА СЛУЖБУ И ВОЕННОЕ ОТХОДНИЧЕСТВО
КАК ЧАСТЬ ВОЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕРКЕСОВ****А.С. МИРЗОЕВ**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются традиционные институты военной культуры черкесов – военное отходничество и выезд на службу. Выезд на службу являлся частью универсальной системы пополнения правящего класса феодальных держав Европы и Азии, в которую издавна и глубоко была интегрирована черкесская аристократия. Этому благоприятствовала заслуженная репутация в военной сфере, высокоэффективная и совершенная система воинского воспитания, а также культивирование рыцарской идеи и таких ее составляющих как верность сюзерену, благородство, аристократический этикет «уэркъ хабзэ». Выезд на службу был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Выезд на службу был характерен для высших слоев черкесской аристократии, для всех остальных сословий черкесского общества было характерно военное отходничество (наемничество). Последнее не предполагало заключения договорных отношений, установления вассально-сюзеренных отношений и обязательной инкорпорации в состав правящего класса принимающих стран. Выезд на службу и военное отходничество входили в систему основных и наиболее характерных институтов военной культуры черкесов. Эти институты на протяжении длительного времени играли значительную роль в жизни черкесского общества, и их изучение имеет не только научно-познавательное, но и практическое значение. Исследование институтов военной культуры может способствовать пониманию историко-политических и социально-экономических процессов, происходивших на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с Позднего Средневековья по Новое время.

Ключевые слова: Центральный и Северо-Западный Кавказ; XVI-XVIII вв.; черкесы; военная культура; традиционные институты; военное отходничество; институт выезда на службу; аристократические элиты; матримониальные связи.

INSTITUTION OF DEPARTURE FOR SERVICE AND MERCENARY PRACTICES AS A PART OF THE MILITARY CULTURE OF CIRCASSIANS

A.S. MIRZOEV

*Institute for Humanitarian studies – branch of the FSBSE «Federal Scientific Center 'Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences'»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: marzeibach@mail.ru*

Abstract. The article examines the traditional institutions of military culture of the Circassians – military departure and departure for service. Departure for service was part of the universal system of replenishment of the ruling class of the feudal powers of Europe and Asia, into which the Circassian aristocracy had long been deeply integrated. This was favored by a well-deserved reputation in the military sphere, a highly effective and perfect system of military education, as well as the cultivation of the knightly idea and its components such as loyalty to the suzerain, nobility, aristocratic etiquette "uerk khabze". Departure for service was a purely feudal institution, with the appropriate completion within the framework of vassal-suzerain contractual relations. Departure for service was characteristic of the upper strata of the Circassian aristocracy; for all other classes of Circassian society, military otkhodnik (mercenary) was characteristic. The latter did not imply the conclusion of contractual relations, the establishment of vassal-suzerain relations and correspondingly – incorporation into the ruling class of the host countries. Departure for service and mercenary practices were among the basic and most characteristic institutions of the military culture of the Circassians. For a long time these institutions have played a significant role in the life of Circassian society, and their study has not only scientific and educational, but also practical value. The study of the institutions of military culture can contribute to the understanding of the historical-political and socio-economic processes that took place in the Central and Northwestern Caucasus during the Late Medieval and Early Modern Times.

Keywords: Central and Northwestern Caucasus; 16-18th centuries; Circassians; military culture; traditional institutions; mercenary practices; departure for service; aristocratic elites; matrimonial ties.

Введение

Военную культуру правомерно выделить как особую подсистему в рамках традиционной культуры черкесов. Это понятие включает в себя такие составляющие как военный быт, комплекс представлений о войне (культура войны), традиционные общественные институты (наездничество, атальчество, выезд на службу, военное отходничество), различные аспекты военного искусства, вооружение и амуниция воинов, одежда, походная пища и некоторые другие.

Военная культура в целом и входящие в нее институты военной культуры, являются сквозной темой истории народов Кавказа, будучи актуальными для их самосохранения и выживания в сложных геополитических условиях в период Средневековья и Нового времени.

Исследование данной темы имеет, по нашему мнению, большое значение для понимания историко-политических и социально-экономических процессов,

происходивших в это время на Центральном и Северо-Западном Кавказе. Традиционная предрасположенность к военной деятельности кавказцев вообще, и черкесов в частности, сыграли и продолжали играть до недавнего времени значительную роль в жизни черкесской зарубежной диаспоры.

Причины, корни такого явления, как традиционная предрасположенность адыгов к военной деятельности, которая наблюдалась до недавнего времени среди черкесской диаспоры в странах Ближнего и Среднего Востока, можно найти при изучении традиционных институтов военной культуры черкесов.

Несомненно, специфические комплексы духовных представлений, способствовавшие развитию характерной для северо-кавказских этносов воинственности, продолжают сохраняться и ныне в психологии этих народов. Анализ общественных институтов и порождаемых ими этнических концепций и систем воспитания, способствующих развитию воинственности, могут дать много для понимания исторического прошлого северо-кавказских народов. Совокупность ценностных ориентиров, ментальных установок, морально-психологических качеств как часть военной культуры черкесов формировались столетиями и до сих пор продолжают сохраняться в психологии этого и других народов Кавказа. Изучение механизмов их воспитания и стереотипов поведения способствуют пониманию не только исторического прошлого северокавказских народов, но и современных социально-политических проблем, имеющих место в этом регионе.

Несмотря на семьдесят лет советской власти и проводившуюся ею политику модернизации, традиционные общества, каковыми были народы Центрального и Северо-Западного Кавказа до того как они попали в геополитическое пространство сначала Российской империи, а затем Советского Союза, и сегодня не являются в полной мере современными модернизированными сообществами. Традиционные менталитет, традиции, идеальные установки продолжают играть значительную роль в их социальной жизни.

В войнах, в том числе и современных, продолжают иметь большое значение моральные и духовные качества народов участвующих в них. Традиционные общества, несмотря на их технологическую отсталость в военной сфере, имеют то преимущество перед модернизированными, что милитаризованность их социальных отношений порождает лучший человеческий материал для армии и военной сферы. Демилитаризация социальных отношений в модернизированных обществах, с преобладанием современного городского населения приводит к сложностям в деле формирования эффективных вооруженных сил, связанных с характерным нежеланием нести военную службу и нести военные потери [Ливен 2019: 257]. Другим фактором дающим преимущество традиционным обществам в военной сфере перед современными модернизированными социумами, является коллективистские ценности и идеалы в противовес крайнему индивидуализму и гуманизму (приоритету прав человека), лежащим в основе либерально-демократической идеологии. Нежелание жителей государств с современными индивидуалистическими обществами рисковать жизнью за свою страну

компенсируется созданием высоко оплачиваемых профессиональных армий, некоторым отгорожением ее от общества и значительной части его культуры, чтобы вдохновить своих людей культурой и набором лояльностей, порожденных изнутри самой военной среды [Ливен 2019: 277]. «Классическим примером армии, имеющим собственную культуру, – считает А. Ливен, – является британская армия, где носителями лояльности и морали главным образом выступает своеобразный клан – полк с его корнями и традициями, насчитывающими сотни лет» [Ливен 2019: 278].

Касательно темы нашего исследования, говоря о глубоких воинских традициях народов Северного Кавказа, наличии у них в прошлом развитых институтов военной культуры, следует отметить, что ментальные, идейные основы, связанные с этим актуальны и сегодня в сознании представителей этих народов. Они могли бы найти свою реализацию в создании отдельных элитных воинских подразделений в составе российской армии, как это было предложено ведущим российским ученым в области этнологии, кавказоведом С.А. Арутюновым в одном из своих телеинтервью¹. Конечно, при этом пришлось бы учитывать особенности менталитета и традиций этих народов при формировании таких воинских подразделений. Подобный удачный опыт имел место в Российской империи во время Первой мировой войны, когда из представителей народов Кавказа была сформирована так называемая «Дикая дивизия». В этом уникальном воинском подразделении, включенном в состав российской регулярной армии, учитывались и использовались традиции и обычаи кавказских народов и, как результат, оно проявило себя как самое боеспособное подразделение российской армии. Горцы Северного Кавказа и в целом Кавказская конная дивизия проявили себя не только как храбрые и умелые воины, но и как самое дисциплинированное подразделение российской армии. Когда началась революционная смута, целые подразделения, в том числе и гвардейские, выходили из подчинения верховного командования, участились случаи неподчинения солдат своим офицерам и даже их убийств. «Дикая дивизия» в таких условиях осталась одной из немногих частей российской армии, сохранивших верность присяге, чувству долга, воинской чести [Опрышко 1999: 50–51].

В Новейшей истории в качестве примера можно также привести элитное гвардейское подразделение главы Хашемитского иорданского королевства, состоящее исключительно из черкесов, а также элитное подразделение британской армии – Королевские гуркхские стрелки (англ. The Royal Gurkha Rifles, сокращённо RGR) – британский стрелковый полк, состоящий из гуркхов – этнических непальцев. Королевские гуркхские стрелки считаются элитным подразделением британской армии, и по статусу находятся ниже Парашютного полка Великобритании и выше британских Стрелков. Им, как и черкесским

¹ Проблемы Кавказа. Обсуждение с Сергеем Арутюновым, зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. 03.03.2010 // Канал на платформе YouTube – finamfm (ГолосИслама.RU – Информационно-дискуссионный портал). URL: <https://youtu.be/6ggAlsbjxDs> (дата обращения: 12.12.2020)

гвардейцам, охраняющим королевскую резиденцию в Аммане, доверяют нести службу в Букингемском дворце.

Есть мнение, что гвардейские части и спецподразделения в силу своей малочисленности не могут играть большой роли в широкомасштабных войнах. Но их значение определяется не численностью, а высокими боевыми и моральными качествами. От их преданности и профессионализма зачастую зависит безопасность не только первых лиц государства, но и судьбы целых династий и государств. В качестве примера можно привести события «Черного Сентября» 1970 г. в Иордании, когда боевики Организации освобождения Палестины (ООП) подняли вооруженное восстание с целью уничтожения королевской династии и создания на территории Иордании палестинского государства. Черкесская гвардия, не смотря на свою малочисленность, как и вся черкесская община Иордании, сыграли важную роль в спасении жизни короля Хусейна и самой хашимитской королевской династии. В этих событиях черкесская гвардия короля оправдала свою репутацию профессионального, преданного долгу и боеспособного воинского подразделения. 7-го июня на короля Хусейна было совершено второе покушение, когда он направлялся в Амман из своего загородного дворца Рагдан. Поскольку 15-километровый участок дороги шел через контролируемый палестинцами район, его сопровождала колонна броневиков и 60 черкесских гвардейцев. На перекрестке у Сувейлиха, пригорода Аммана, колонна была подвергнута массированному обстрелу из гранатометов, пулеметов и автоматов. В этом бою погибло более 40 военнослужащих черкесской гвардии, включая водителя Короля. Оставшиеся в живых охранники спасли Хусейна и отвезли его в Амман¹.

Во время боев в Аммане особенно успешно действовал в запутанных переулках лагерей палестинских беженцев сформированный в 1969 г., на пике противостояния с палестинскими террористами, батальон специального назначения (БСН) Иордании личный состав которого полностью был укомплектован из черкесов и чеченцев под командой офицеров общественной безопасности. Это был прообраз знаменитой в будущем 101-й части специального назначения. Батальон успел хорошо зарекомендовать себя во время операции по освобождению иностранных заложников, захваченных боевиками Народного фронта освобождения Палестины (НФОП) в гостинице «Интерконтиненталь» в июне 1970 г.². И по сей день в гвардии короля, охраняющим его резиденцию служат исключительно черкесы из лучших семей с очень тщательным отбором по ряду качеств. Помимо высокой военной подготовки, которую они получают в элитных спецподразделениях за рубежом и в самой иорданской армии, от них требуется знание и приверженность букве

¹ Т1эшьюкьюэ, Евгений. Черкесы. Иордания. Черный Сентябрь 1970 года. Часть 1. 29.03.2012 // Международная черкесская ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=1405> (дата обращения: 12.12.2020).

² Т1эшьюкьюэ, Евгений. Черкесы. Иордания. Черный Сентябрь 1970 года. Часть 2. 30.03.2012 // Международная черкесская ассоциация: сайт. URL: <http://intercircass.org/?p=1437> (дата обращения: 12.12.2020).

и духу черкесского этикета «адыгэ хабзэ»), рекомендовано владение черкесским языком.

Когда мы говорим о воинских традициях и менталитете представителей традиционных обществ, мы не утверждаем, что военная организация этих обществ эффективней военной организации модернизированных обществ с их современными технологиями вооружений, связи и управления. Тем не менее, многие государства в наше время не пренебрегают, а используют человеческий материал, сформированный в традиционных обществах при создании различных специальных подразделений для армии и военной службы. Как считает большинство военных специалистов при любом развитии военных технологий качество личного состава воинских подразделений всегда будет актуальным, всегда будут возникать ситуации, когда определенные военные задачи могут решить только солдаты с соответствующими военными навыками, моральными и волевыми качествами. В определенных условиях не всегда возможно использование современной техники и технологий, или же их применение носит ограниченный характер. При необходимости можно привести множество примеров на эту тему из истории военных конфликтов последнего времени, мы же пока ограничимся констатацией данного факта, признаваемого большинством военных специалистов.

В современной России поддержание местных воинских традиций и воспитания стимулируется и финансируется государством только по отношению к казачеству.

Что касается историографии данной темы, то надо заметить, что ни в дореволюционной этнографической литературе, ни позже в советский период военная культура черкесов не стала объектом специального комплексного исследования.

Хотя специальных комплексных исследований по проблеме военной культуры черкесов нет, есть много работ, изучающих некоторые вопросы, прямо или косвенно связанные с этой темой. По теме института выезда на службу большой материал содержится в монографии Е.Н. Кушевой, написанной на основе изучения широкого круга архивных источников второй половины XVI – первой четверти XVII вв. [Кушева 1963]. Этот институт дают возможность изучить именно русские источники, так как состояние и характер источников по другим странам (Османская империя, Персия, Крымское ханство, Кахетинское и Имеретинское царства и др.) не позволяют исследователям понять характер присутствия на военной и государственной службе черкесов в этих странах. В них зачастую отмечается сам факт их включенности в военно-административную систему этих государств, но условия их нахождения на службе, будь то военное отходничество (наем) или феодальный институт выезда на службу, не оговариваются.

Вопросы функционирования институтов выезда на службу, военного отходничества, военного рабства затрагивались в работах В.Н. Сокурова [Сокуров 1999; Сокуров 2011; Сокуров 2017], К.Ф. Дзамихова [Дзамихов 2008], С.Х. Хотко [Хотко 1999; Хотко 2017], А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1993;

Кушхабиев 1997], М. Крушинского [Крушинский 2002], Б. Барановского [Барановский 1979], А.В. Казакова [Казаков 2006; Казаков 2017].

Из работ современных авторов можно отметить вышедшую в Майкопе в 2019 г. коллективную монографию Э. Шеуджен и С. Хотко, в которой история черкесов освещается сквозь призму военно-исторической антропологии – новой отрасли российской исторической науки начавшейся разрабатываться в первых годах XXI столетия [Шеуджен, Хотко 2019].

Настоящая статья ставит предметом исследования институт выезда на службу и военное отходничество, как часть военной культуры черкесов и связанные с ними социальные явления в их динамике, с учетом их трансформации в ходе исторического развития. Географические границы исследования носят условный, этнически ориентированный характер и включают пространство Северо-Западного и Центрального Кавказа. Наряду с основным ареалом распространения черкесской военной культуры на Центральном и Северо-Западном Кавказе в статье рассматриваются вопросы присутствия черкесского военного компонента в Османской и Российской империях и др. государствах.

Хронологические рамки исследования определены периодом: Позднее Средневековье – Новое время. Выбор этого отрезка времени был обусловлен следующими соображениями:

– нижняя граница хронологических рамок начинается Поздним Средневековьем, так как касательно этого периода имеются первые, документально подтвержденные источниками прецеденты вовлеченности черкесов в военную сферу соседних государств через институт выезда на службу. Под Поздним Средневековьем в масштабах черкесской истории, учитывая замедленность протекания у народов Северного Кавказа социально-политических процессов, мы подразумеваем период с XV до начала XVIII века.

– феодальный институт выезда на службу верхними хронологическими рамками своего существования имеет первую половину XVIII в. Верхняя граница хронологических рамок определена тем, что в 1720-х гг. имел место один из последних прецедентов выезда на службу в Российскую империю на договорных началах на основе феодального права в лице кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского.

– Верхняя граница хронологических рамок института военного отходничества (наемничества) обозначена периодом Нового времени, так как оно имело место вплоть до последних дней независимого существования Черкесии и даже позже.

Реализация обозначенной цели исследования предполагает выполнение следующих исследовательских задач:

– провести дифференциацию института выезда на службу и института военного отходничества. Появление черкесов на военной службе других стран помимо выезда на службу и военного отходничества было связано также с такими явлениями как военная эмиграция и военное рабство. Но последние два явления не являются объектом изучения нашей статьи.

– показать характер и масштаб политических, военных, культурных и демографических контактов Черкесии со странами Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока в рамках института выезда на службу и военного отходничества;

– показать какое значение имели институты военного отходничества и выезда на службу в налаженной черкесами эффективной системе военной подготовки.

Функционирование (причины, социальный состав, условия бытования) институтов выезда на службу и наемничества (военного отходничества)

Выезд на службу, наряду с системой военного рабства и наемничеством являлся универсальным институтом пополнения правящего класса феодальных держав Европы и Азии и их армий. В средние века выезды на королевскую службу (*comitat*) с правом и без права отъезда были характерным явлением в жизни многих стран и народов. Черкесские князья и дворяне были широко вовлечены в этот процесс. Традиция выезда на службу и военного отходничества к правителям Золотой Орды, Египта, Османской империи, Крымского ханства, Речи Посполитой, России, Персии и Грузии сложилась у черкесов издавна. Причин для этого было много: военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию и реализации воинского духа, неразвитость государственных институтов, феодальные междоусобицы, внутри сословная конкуренция, ограниченность собственных материальных ресурсов и перспектив социального роста [Сокуров 1999: 97–98].

Выезд на службу и военное отходничество были направлены в более развитые в социально-политическом отношении и богатые страны, где было больше возможностей для самореализации и достижения высокого социального статуса и положения. Черкесы легко вписывались в структуру соседних государств и выполняли в основном военно-командные функции. Правители охотно привлекали их на службу, высоко ценя их военный профессионализм, аристократическое воспитание и личную преданность. Последнее качество часто превращало черкесов в «гвардейскую касту», обслуживающую дворы властителей Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. По настоящее время охрану иорданских королей осуществляет черкесская гвардия [Сокуров 1999: 98].

Во всех феодальных государствах, как правило, дворянство было интернациональным по своему составу и происхождению. В состав служилого сословия вовлекались пассионарии как местных, так и соседних народов, готовые предложить свои услуги высшей аристократии. Сами черкесские князья поощряли прием таких переселенцев, называемых «хэхэс». Больше всех поощряли переселение из Чечни, Осетии, Дагестана и других мест в Кабарду и прием их на службу кабардинские князья. Убежище предоставлялось вне зависимости от происхождения – царского, княжеского, дворянского или крестьянского. В Кабарде были особые правила приема переселенцев. Представители зависимого крестьянства пополняли соответствующие сословия,

свободные общинники в зависимости от личных качеств – ряды служилого дворянства (беслен-уорки и уорки-шаотлегуса) и телохранителей (пшичеу). При переселении в Кабарду представителей феодальной знати соседних народов их опускали на ступень ниже той, которую они занимали у себя на родине. Потомки крымских ханов пополняли сословие хануко, т.н. горские князья (ногайские мурзы, балкарские таубии, тагаурские алдары, абазинские аха, карачаевские бии, дигорские баделяты и др.) сословие уорков-дыжинуго, но не выше. Чаще всего же они становились беслен-уорками – княжескими служилыми дворянами.

Сами же черкесы издавна и глубоко были интегрированы в подобную систему за пределами Кавказа. Этому благоприятствовала заслуженная репутация в военной сфере – не только по причине их общепризнанной храбрости, но и в силу высокоэффективной и совершенной системы воинского воспитания, а также культивирования рыцарской идеи и таких ее составляющих как верность сюзерену, благородство, аристократический этикет «уэркъ хабзэ». Все это в случае выезда гарантировало черкесам быстрое продвижение по службе, как на военной, так и при совершении политической и административной карьеры при дворах иноземных государей.

Выезду черкесов способствовала не только их востребованность за границей, но и целый ряд внутренних причин. Многие покидали Черкесию в надежде обрести большие возможности для самореализации, чем на родине, где социальный статус человека определялся при рождении и, как правило, оставался неизменным на протяжении всей жизни. Высшие сословия феодальной Черкесии (пши, тлекотлеш) носили замкнутый, закрытый характер. Незрелость государственных институтов и военизированный характер черкесской культуры препятствовали совершению иной, кроме военной, карьеры.

Выезд на службу представителей княжеского сословия был обусловлен тем, что не все из них могли рассчитывать на получение владельческих прав и полноценную реализацию княжеского статуса. Авторитет, влияние князя определялись количеством подвластного населения и прежде всего личных дворян. Черкесские феодальные политии (Кабарда, Бесленей, Темиргой, Бжедугия и др.) делились на уделы, во главе которых стояли удельные князья. Они вместе со своими родными братьями – владельцами деревень с подвластными крестьянами и дворянами осуществляли военно-политическое, хозяйственно-экономическое руководство уделом. После смерти удельного князя власть передавалась старшему по возрасту брату, а в случае его отсутствия старшему сыну [Кушева 1963: 113–114]. Имущество движимое и недвижимое, деревни, крестьяне, личные дворяне умершего князя делились между сыновьями. Князь мог считаться полноценным князем только тогда, когда у него были свои подвластные села, с подданными – крестьянами и служащими им лично дворянами. Если в княжеской семье было много сыновей, то такой раздел вел к чрезвычайному дроблению удела, к внутренним конфликтам и ослаблению удела. Хроники феодальных войн в Кабарде свидетельствуют, что очень часто они начинались с целью забрать у более

слабых соперников их «кабаки» (села) вместе со всеми подданными – крепостными крестьянами и уорками. Политические позиции князей зависели от мобилизационного ресурса их уделов. В период средневековья, до широкого распространения огнестрельного оружия, основу их военной мощи составляла дворянская панцирная конница. Высокая боеспособность этой кавалерии обуславливалась их узкой военной специализацией, отстраненностью от производительного труда за счет эксплуатации зависимых крестьянских сословий, а также владением очень дорогим и высокого качества наступательным и, что особенно важно, оборонительным вооружением в виде кольчужного доспеха. При приеме на службу князя должны были в качестве обязательного компонента «уэркъ-тын» (дворянского подарка) предоставлять поступающим на службу несколько семей крепостных крестьян и кольчугу. Крестьяне должны были своим трудом содержать дворянские семьи, которые в свою очередь в случае военной мобилизации по призыву князя должны были выставлять от одного до трех своих взрослых членов в полном вооружении. Сами кольчуги были очень дороги и стоили несколько семей крепостных крестьян. В XVII в. каждый кабардинский кабак (в среднем 100 дворов) мог выставить около 20 таких профессиональных воинов. Споры за владение этими кабаками и подвластными возникали даже внутри удела между членами одной княжеской патронимии. Так в первой четверти XVII в. между различными ветвями княжеского дома Идаровых возник спор за наследство убитого в 1635 г. последнего представителя Идаровых из линии Темрюковичей – Клыч Саусланова [КРО 1957: 384–385]. Речь шла о феодальном владении из одиннадцати селений с мобилизационным ресурсом 250 уорков. Основными претендентами на наследство выступили две княжеские семьи Идаровых по линии Желегота Идарова (братья Будачей, Шолох, Алегуко Сунчалеевичи) и Келемет Куденетов из патронимии Камбулатовых [Кожев 2019: 115–130]. В итоге спор между двумя ветвями рода Идаровых за выморочное наследство своего родственника привел к битве на р. Малка 12 июля 1641 г. с привлечением военных ресурсов практически всех уделов Кабарды, дагестанских владетелей, ногайцев и русских стрельцов. Единственной боевой силой в междоусобных столкновениях той эпохи, – отмечает З.А. Кожев, – выступало профессиональное доспешное конное войско, формировавшееся военно-служилым сословием черкесских дворян-уорков. И в этом крупнейшем сражении в истории Кабарды, в котором с обеих сторон приняло свыше семи тысяч воинов, они сыграли решающую роль [Кожев 2019: 134–135, 122, 127].

Для того чтобы владеть своими личными дворянами, содержать дворянское ополчение, выполнять свои сюзеренные и патронажные обязательства князьям необходимо было иметь достаточное количество людских и экономических ресурсов. Эти ресурсы были ограничены, поэтому в княжеских семьях, где было много сыновей, часть их отправляли на службу в соседние государства. Без собственных крестьян и дворян их княжеский статус был неполноценен, а столько дворян и крестьян на всех молодых князей не хватало. Слабая экономика, натуральное хозяйство, отсутствие сильных государственных институтов с развитым государственным, военным,

административно-бюрократическим аппаратом не давали возможности для их самореализации внутри страны. Зато эти молодые люди из аристократических семей были востребованы в соседних государствах для пополнения военно-управленческого класса. Поэтому по взаимному согласию членов семьи выбирали обычно младших братьев для выезда на службу.

Острое соперничество ведущих княжеских родов за верховную власть в стране, получить которую было трудно без поддержки извне, приводило к поиску внешних сил и привлечения их ресурсов для использования во внутриполитической борьбе. Заключение таких союзов со стороны черкесских владетелей обычно подкреплялось династическими браками с монархами союзных государств и отправкой к ним на службу своих сыновей. Служба последних при их дворах должна была служить залогом верности заключенным договорам и принятым на себя обязательствам. В этом отношении выездные черкесские княжичи являлись в определенной степени заложниками и гарантами таких политических альянсов.

Имели место и выезды под давлением обстоятельств. Потерпевшие поражение в междоусобной борьбе князья, чтобы избежать истребления бежали в соседние государства, находили приют и покровительство у их правителей. Даже если они и возвращались на родину с иноземными армиями, с помощью которых возвращали свои уделы и подвластных, их сыновья и младшие братья могли остаться служить при дворе их покровителей и союзников.

Кровная месть и угроза истребления со стороны более сильных родов служила также причиной переезда в соседние страны дворянских семей. Так, например, согласно фольклорной версии, кабардинский дворянин Худаберд Азапшев, ставший жертвой оговора и угрозы истребления со стороны княжеской фамилии Таусултановых, вынужден был покинуть родину и какое-то время прожил в Крыму [Народные... 1986: 363].

Отъезжающими двигали честолюбие, стремление к славе, желание проявить себя на военном и административном поприще в других странах. Этому способствовали природный ум, любознательность, энергия, смелость, аристократическое воспитание. Выезд за пределы Черкесии для дворян был облегчен правом свободного отъезда (пщыхъуэж) и практической возможностью расторжения феодального договора с сюзеренами [Кушева 1963: 111–112]. Неограниченная свобода передвижения «вольных земледельцев» (крестьян-тфокотлей) демократических политий Западного Кавказа также способствовали широкому распространению в их среде военного отходничества.

Кооптация выезжавших на службу черкесских аристократов в состав правящей элиты России, Польши, Турции, Персии и др. государств облегчалась еще и тем, что до конца XVII века основная масса черкесского населения оставалась языческой с элементами христианства и мусульманства. У мигрантов не было какого-либо религиозного барьера, и они быстро адаптировались в любой конфессиональной среде. Те, кто служил султану и крымскому хану, становились мусульманами, тогда как те, кто служил русскому царю, принимали православие [Лемерсье-Кельеже 2009: 277].

Религиозная индифферентность и приоритет сословных ценностей и понятий были в целом характерны для черкесской аристократии. Когда турецкий сераскер в Анапе Хасан-паша (чеченец по происхождению) упрекнул черкесского князя Аходягоко в том, что тот «служит неверным и проливает кровь мусульман», Аходягоко, нисколько не смутившись, ответил: «Да! Я служу русским потому, что они покровительствуют мне; сражаюсь с врагами русских, для них убиваю и мусульман, не щажу и себя – я дал слово все это делать и не перестану делать, пока останусь под их покровительством. То же самое буду делать и для падишаха, если ты призовешь меня на его службу. Но не хочу обманывать: если мне не будешь оказывать приличествующего мне уважения, если не будешь меня ценить, как этого я заслуживаю, то не буду ни служить, ни повиноваться. Ни для кого не намерен я унижать себя, не стану ни за что наравне с теми, которые уступают мне в достоинствах» [Хан Гирей 1974: 312–313].

Появлению черкесов на службе у государей России, Османской империи, Крымского ханства, Персии, грузинских царств и других стран способствовало установление с ними брачных связей черкесских князей, выдававших за них своих дочерей. В соответствии с черкесскими традициями невесту при отправлении в дом жениха должен был сопровождать член семьи или близкий родственник. После свадьбы он оставался жить в доме зятя в качестве гостя в течение года, пока она не освоится. Обычай этот назывался «жэмхэгъасэ¹» [Адыгэбзэ... 1999: 174]. Смысл обычая заключался в том, чтобы невеста, оторванная от родной среды, близких и родственников, попадая в чужую семью, могла легче адаптироваться. Для этого рядом с ней находился один из членов ее семьи или родственник. Особенно это было актуально, когда знатная черкешенка выходила замуж в отдаленные страны, чьей язык, обычаи, а иногда, и религия, были ей чужды. Для того чтобы изучить их нужно было время, а присутствие рядом брата и других близких людей с кем она могла говорить на родном ей языке и делиться своими проблемами, способствовало безболезненной адаптации и психологическому комфорту. Когда девушка выходила замуж в своей стране, к примеру, в Кабарде, Бесленее и других областях Черкесии, родственники, находившиеся с ней по обычаю «жэмхэгъасэ» через год могли вернуться домой. Во-первых, это была знакомая ей среда, родные обычаи и язык, во-вторых, у нее была возможность периодически приезжать в гости в родительский дом, а ее родственникам навещать ее в доме мужа. Когда же черкесская аристократка выходила замуж в Персию, Османскую империю или другую отдаленную страну, этот переезд означал, что фактически она навсегда прощается с родной семьей и страной. Обычно сопровождавшие ее родственники в таком случае оставались вместе с ней в этих странах, поступая на службу ко дворам монарших особ, чьими

¹ Когда телку первый раз выгоняют в стадо, обычно она с непривычки убегает домой. Чтобы этого не происходило, в течение недели каждое утро ее выгоняет кто-нибудь из членов семьи и, находясь рядом, не давая ей сбежать из стада. «Жэм» – корова, «хэгъасэ» – приучить, адаптировать.

родственниками они становились. Так, например, оказался в Москве брат кабардинской княжны Марии Темрюковны – Михаил (Салтанкул) Темрюкович Черкасский, а бесленевский князь Махошоко Каноков – в Стамбуле, где его сестра была замужем за султаном Сулейманом II Великолепным (1642–1691) [Сокуров 2011: 55]. При отъезде в другую страну вместе с братом черкесской княжны по обычаю выезжало некоторое количество его личных дворян со своими семьями. Также вместе с невестой могли переселиться семьи ее кормилицы (дэгызэ) и воспитателей (быфыкьуэдэ, быфыкьуэанэ) [Кушева 1963: 125]. Обязательно несколько служанок (унаут хьыджэбз) должны были сопровождать ее.

Матримониальные связи черкесских аристократов с царствующими домами соседних стран в точности отражают и географию выезда на службу представителей знатных черкесских семей. Это Россия, Османская империя, Крымское ханство, Персия и Грузинские (Картли, Кахети, Имеретия, Мингрелия) государства. Заключение подобных браков свидетельствовало о высоком социальном статусе черкесских князей, с одной стороны, а с другой эти браки носили политический характер, закрепляя политические союзы и альянсы. Можно привести примеры сохранившихся в исторических источниках подобных браков.

Обширные матримониальные связи с самыми знатными аристократическими домами имели кабардинские князья из рода Идаровых. Дочери Темрюко (Темиргоко) Идарова – Гошаней, Алтынчач и Малхуруб, были замужем соответственно за русским царем Иваном IV Грозным, астраханским царевичем Бекбулатом и Тинехматом – сыном правителя Большой Ногайской Орды Измаила [Налоева 2015b: 2]. Дочь младшего брата Темиргоко – Желегота Идарова, известная в русских источниках как «Айшефат Масалтан царица», была одной из жен крымского хана Девлет-Гирея I [НА ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 26]. Дочь Сунчалаея Канглычевича Идарова Увжухта замужем за персидским шахом Аббасом I [Налоева 2015b: 2]. Дочь Арсламбека Кайтукина была замужем за крымским ханом Арслан Гиреем [Налоева 2015b: 8]. Две дочери кабардинского князя Шолоха Тепсарукова были замужем за представителями правящего дома Крымского ханства (один из них царевич Мурат-Кирей). Когда русские терские воеводы требовали от него поменять его крымско-турецкую политическую ориентацию на русскую, он им отказал, ответив: «Как де мне от Крымского и Шевкальского и кумыков отстати? А в Крыму у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах и кумыках таково ж» [Белокуров 1888: 90]. В установлении династических, брачных связей с кабардинскими князьями были заинтересованы грузинские цари, бравшие в жены их дочерей. Отец кахетинского царя Александра II Леван (1504–1574) вторым браком был женат на сестре малокабардинского князя Алкаса Геляхстанова [Белокуров 1888: 166]. А дочь кабардинского тлекотлеша Хота Анзорова замужем за сыном Александра II Араклином [Белокуров 1888: 168]. Дочь малокабардинского князя из рода Мударовых Алимурзы Казиева была женой грузинского царя Вахтанга VI известная в грузинских источниках как царица Русудан [Налоева 2015b: 11]. Кабардинские княжны были замужем

за мегрельским владетельным князем Леваном III Дадияни и имеретинским царем Георгием II. Сам Леван III сватал за своего сына дочь видного кабардинского удельного князя XVII в. Алегуки Шогенукова, для чего посылал к нему для переговоров своего азнаура Тавея [Сукунов 1992: 82–83].

Несмотря на схожесть между военным отходничеством (наемничеством) и институтом выезда на службу, необходимо подчеркнуть различия, имевшие место между ними. Военное отходничество или наемничество, феномен имеющий место в том случае, когда лицо или группа лиц предлагает свои услуги правителям иностранных государств (охрана объектов, государственных границ, торговых караванов, коммуникаций, первых лиц государства, участие в вооруженных конфликтах на стороне нанимателя) за определенное материальное вознаграждение – жалованье. Оно, как правило, не предполагает высокого социального статуса наемников и их включение в состав правящей элиты принимающего государства. Для нанимателей было достаточно того, чтобы они хорошо владели воинскими навыками. Договор с наемниками, не предусматривал заключения и соответствующего оформления вассально-сюзеренных отношений, как это имело место, к примеру, в случае поступления на службу, черкесских аристократов к правителям соседних государств.

В отличие от военного отходничества (наема), выезд на службу был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Основное отличие института выезда на службу от военного отходничества (наемничества) было предоставление, помимо государственного жалованья, приезжим аристократам земельных владений с податным населением и включение их в правящий феодальный класс. Наемникам же выплачивалось только жалованье. Данное обстоятельство имело место и подтверждается источниками XVI–XVII вв. относительно черкесских князей выезжавших на службу к польским королям и русским царям [Крушинский 1999: 102; Кушева 1963: 122]. Несмотря на обилие персоналий черкесского происхождения на службе у крымских ханов, османских султанов, персидских шахов, грузинских царей упоминаемых в исторических хрониках, сами эти источники не раскрывают условий их нахождения на службе: получали ли они в качестве вознаграждения за службу земельные владения с податным населением или же только государственное жалованье. Можно предположить, что здесь также имел место институт выезда на службу, с соответствующим оформлением и выдачей земельных пожалований, особенно, в тех случаях, когда прибывшие становились родственниками монархов через матримониальные связи.

Как считает Ф.А. Озова, выезд кабардинских и жанеевских князей на службу в Москву начиная с XVI в. можно рассматривать в какой-то мере как одну из форм дипломатического заложничества. «Воспитанники» [служилые князья], в юном, а иногда и в зрелом возрасте выезжавшие в Москву, гарантировали договоры о военно-политических союзах между царем Иваном IV и верховными князьями Кабарды и Жанае. «Служилые» князья, принявшие православие и находившиеся при московском дворе, фактически являлись знатными заложниками, обеспечивающими соблюдение шертных соглашений и

присяги, заключенных между русскими царями и теми черкесскими владетельными князьями, которые вступали в договорные отношения с русскими монархами [Озова 2020: 147–150, 170–173]. Но здесь мы не склонны такую практику отождествлять непосредственно с институтом аманатства, так как оно являлось самостоятельным институтом, со своими правилами и особенностями. Подобный политический инструмент использовался и в азиатских государствах, например, в империи Чингизидов, в Османской империи и шахском Иране. Таким образом, через институт выезда на службу, черкесские юноши высокого социального происхождения пополняли правящий класс феодальных держав Европы и Азии.

Традиционное воспитание, получаемое детьми черкесских аристократов в рамках института аталычества (быфадэ-пIур), прививало им не только воинские, но и управленческие, коммуникативные навыки, а также высокие этикетные качества. Черкесских аристократов с детских лет обучали не только воевать, но и управлять подданными. Поэтому они, попадая в другие государства, легко инкорпорировались в местные аристократические элиты и занимали руководящие должности не только в сугубо военных структурах, но и в государственных. Известны сотни имен черкесских аристократов, занимавших важные государственно-административные посты в Османской империи, Персии, России, Грузии, Польше, Египте и других странах.

Относительно русского государства по письменным источникам известно, что их поступление на службу к царскому двору оформлялось на договорных основаниях в рамках института вассально-сюзеренных отношений. При заключении договоров о принятии на службу, предполагавшую их инкорпорацию в состав правящего класса, принимающая сторона тщательно изучала сословный статус приезжих и реальный политический вес в Черкесии делегировавших их кланов. Они рассматривались русским правительством как агенты влияния, посредством которых планировалось лоббировать российские геополитические интересы на Северном Кавказе.

Черкесия с давних пор была страной, поставлявшей в государства Евразии контингенты профессиональных воинов. В феодальную эпоху наряду с аристократами высшего ранга, в воинский класс Черкесии входили представители многочисленного служилого дворянства¹, свободного крестьянства и отдельных категорий зависимых сословий. Востребованность и высокая репутация черкесов в военной сфере позволяла им находить

¹ Сословная иерархия феодальных политий Черкесии, оформившаяся окончательно к началу XVI столетия, разделяла дворянство на две категории: родовитое и служилое. Относительно Кабарды и других феодальных владений Черкесии к первому относились сословия тлекотлешей и дыжынуго, ко второму беслен уорков и уорков шаотлехуса. Первые два сословия, будучи вассалами князей, сами в свою очередь имели своих вассалов и подконтрольные им вотчины. Их титул был потомственным. В отличие от них вторые считались жалованными дворянами и могли пополняться как из среды дворянства других народов, так и из числа свободного крестьянства и даже людей зависимого состояния. Беслен уорки служили князьям (пши), уорки шаотлехуса являлись вассалами тлекотлешей и дыженуго.

применение своим способностям в армиях иностранных государств, но шансы пополнить ряды правящей элиты принимающих стран были, как правило, только у представителей высших слоев черкесской аристократии. Поэтому институт выезда на службу имел бытование, как правило, в их среде, а военное отходничество или наемничество – в среде всех нижестоящих сословий, включавших служилых дворян и крестьянство. Исключение составляли страны, где функционировала система военного рабства (Мамлюкский Египет, Османская империя). Люди низкого или несвободного социального статуса, попадавшие в эти страны в качестве невольников имели шансы занять место в правящей, управленческой элите этих государств.

Основные страны, куда в период Позднего Средневековья и позже выезжали на службу или нанимались черкесские аристократы подтверждаемые источниками – это Московское царство (Россия), Османская империя, Крымское ханство, Речь Посполитая, Персия и Грузия. Провести, опираясь на письменные источники, четкую дифференциацию между выездом на службу и наемничеством не всегда представляется возможным. Обзор персоналий черкесов на военной службе иностранных государств занял бы слишком много места, так как их количество огромно и не поддается подсчету. Можно только коротко сказать об истории появления их в этих странах и перечислить часть из них.

Московское княжество (Московское царство, Российская империя)

Типичным примером функционирования института выезда на службу является образование служилой аристократии адыгского происхождения в России с середины XVI в. Эти выходцы из Западной Черкесии и Кабарды вписали яркие страницы в историю России под именем князей Черкасских, Бековичей Черкасских, Ага-Машуковых Черкасских и др. Наиболее известными были кабардинские Черкасские (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) – потомки сыновей кабардинского князя Идара, которые после женитьбы царя Ивана IV на Марии Темрюковне в 1561 г. стали во множестве выезжать на службу в Москву. Кроме того существовали ветви Черкасских, которые принадлежали другим адыгским этническим подразделениям – бесленеевцам и жанеевцам, а именно Ахамашуковы, Егуповы и Чюмаховы Черкасские [Дзамихов 2008: 227].

Первый известный случай выезда в Московское княжество черкесского князя связан с именем бесленеевского князя Мохошоко Канокова, перешедшего на службу к Ивану Грозному в 1552 г. Он приехал из Царьграда (Стамбула) вместе со своим сыном Рамаданом и стал родоначальником князей Ага-Машуковых Черкасских в России. До этого он находился на службе у своего шурина – турецкого султана Сулеймана Великолепного, чьей женой была его сестра Махидевран-Султан [Кушева 1963: 150]. После того как черкешенка путем интриг небызывестной фаворитки султана Роксоланы сначала была оттеснена от власти, а затем была отослана в Амасью, где был наместником единственный ее сын Мустафа, статус Махошоко пошатнулся. Он был

оскорблен и, видимо, уже тогда стал задумываться о смене покровителя. После казни Мустафы по приказу султана, жизнь самого Махошко была под угрозой. Поэтому его приезд осенью 1552 г. в Москву можно рассматривать как бегство. В это время уже имело место противостояние и противоречия между Османской империей и ее сателлитом – Крымским ханством, с одной стороны и Московским царством, с другой. Он приехал в Москву не один и был принят с большим почетом. Махошко сопровождали оппозиционные Крыму абазинские князья и дворяне, во главе с Канклычем Езбозлуковым и Танашуком. Махошко присягнул царю на верность, а в 1557 г. принял крещение под именем Ивана. Вскоре он стал фаворитом Ивана Грозного, получил обширные поместья в Тверской области. С самого начала, начиная с Махошко Канокова и в последующее времена, в придворной иерархии иноземцев Московского царства выезжие черкесские князья традиционно занимали самое высокое место. Известный в русских источниках как «Иван Магашук-князь Черкасский», Махошко верно служил московскому царю с 1552 г. до самой своей смерти в 1560 г. [Сокуров 2011: 55].

Выезды на царскую службу в Москву, кабардинских князей, – как отмечает В.Х. Сокуров, – происходили в строгом соответствии со специальными правилами. Решение об отправке принимал совет пши-уорков (удельная Хасэ). Отбирали молодых князей подросткового и юношеского возраста. Обычно выезжающего юного князя сопровождал влиятельный родственник: дядя, брат. Вместе с княжичем навсегда покидали родину входящие в его свиту ближние уздени, воспитатели (быфыкъуэадэ, быфыкъуэанэ) [Кушева 1963: 125], «ближние уздени», телохранители (пщыкIэу). Так, например, вместе с Михаилом (Салтануком) Темрюковичем и его двоюродными братьями Семеном (Уардацао) и Федором Жилеготовичем в опричнине служили «ближние уздени» братья Даутоковы (Таутоковы). Их также ставили на казенное содержание, опекали, обращались с ними подчеркнуто строго, вежливо, как с послами. Количество уорков сопровождавших выезжавших на службу князей могло исчисляться несколькими десятками. В 1626 г. князь Каншао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 130 человек, в т.ч. 112 уорков, которые «с ним садились на конь». В 1623 г. Урускана (Якова) Куденетовича, выехавшего в Москву для крещения, сопровождало семь человек, позже он вызвал еще 17 уорков, а также свою «няньку» – кормилицу (дэгызэ) вместе с мужем и детьми [Сокуров 1999: 105]. По обычаю кабардинский князь, выезжающий на службу в Россию, отказывался навечно от крестьян и земли в Кабарде. Взамен, с согласия князей своего удела, он брал с собой уорков, добровольно согласившихся переселиться и служить ему [Налоева 2015а: 200–201].

На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение приезжего князя, затем определяли в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого, по обряду русской церкви, его готовили к крещению: обучали языку, знакомили с религией, нравами, обычаями. После церемонии крещения выдавали одежду и полное военное снаряжение, в т.ч. и аргамак с царской

конюшни во всем уборе, давались чины с соответствующими окладами поместными и денежными, строили дом. Достаточно дорого обошелся казне, например, выезд и крещение князя Урускана (Якова) Куденетовича Идарова в 1623 г. На высочайшем уровне принимали в Москве в 1664 г. также другого кабардинского князя, из Идаровых, Алий-мурзу Алигуковича. Ему был установлен такой же высокий поместный и денежный оклад и пожалован высший чин – комнатного стольника, «жеребец со всем нарядом» и пр. [Сокуров 1999: 105]. Кооптация черкесских аристократов в состав российской правящей элиты являлась сложной стратегией, предполагавшей предоставление им экономических и политических преимуществ, а также матримониальную (брачную) стратегию – приезжих княжичей вскоре женили на представительницах знатных русских боярских родов [Дзамихов 2008: 224].

Изначально, приезжавшие служить в Московское царство князья имели право свободного отъезда-приезда, не в смысле возможности расторжения вассально-сюзеренных отношений, а в смысле свободы передвижения. Но при Иване Грозном после перехода ряда Черкасских князей на службу к польскому королю Сигизмунду Августу, расцененного царем как государственная измена, «приезды и отъезды добровольные» были отменены. С этого времени, после выезда и крещения, путь на родину для них был отрезан навсегда [Сокуров 1999: 106].

В выездах ко двору государя в Москву была заинтересована, прежде всего, сформировавшаяся к середине XVI в. русская партия в Кабарде (Идаровы, Жансоховы, Келахстановы, Бекмурзины). Московские цари тоже проявляли заинтересованность в окружении своего престола преданными людьми, находившимися в исключительной зависимости от них. Кроме того, знатные иноземные выходцы, окружавшие государя, повышали престижность династии Рюриковичей, впоследствии – Романовых [Сокуров 1999: 107].

Вплоть до середины XVIII в. Черкасские занимали видные посты в центральном и местном государственном управлении, а также командные должности в русской армии. Одним из притягательных обстоятельств оттока кабардинской знати в Московское царство было правило, установленное русским правительством, приравнивать кабардинских князей к высшей знати русского общества, неукоснительно соблюдавшееся со времени женитьбы Ивана Грозного на Марии (Гушаней) Идаровой [Налоева 2015а: 199]. Их привилегированное положение состояло в том, что в бояре они выходили, минуя чин окольничьего. Черкасские были ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещали его в столице, руководили приказами-министерствами. В 1571 г. Михаил Темрюкович Черкасский занимал пост первого воеводы Большого полка, в это же время воеводой в полку Левой руки был князь Иван Черкасский [Хотко 2017: 331–332]. В мае 1571 г. во время вторжения крымского хана Девлет-Гирея, Сторожевым полком командовал Андрей Чюмахов-Черкасский, представитель западно-адыгских выдвигенцев на русской службе. Его назначение в этот полк было связано с тем, что он некоторое время служил в гвардии Девлет-Гирея и знал хорошо военную организацию и тактические приемы крымской армии. В 1585 г. Андрей

Чюмахов-Черкасский служил в Серпухове и Туле [Хотко 2017: 337]. В 1589 г. при царе Федоре Ивановиче в походе русских войск против шведов приняло участие пять черкесских князей: Борис Камбулатович, Василий Карданукович, Иван Егупов, Петр Ахамашуков, Андрей Чумахов. В марте 1589 г. царь Борис Годунов для отражения готовящегося наступления на Москву крымского хана Казы-Гирея собирает армию, где воеводой Передового полка назначается Василий Карданукович Черкасский. В 1591 г., при отражении ливонского вторжения в Новгород, Иван Егупов-Черкасский – второй воевода в Передовом полку, Андрей Чумахович Черкасский – второй воевода в Сторожевом полку. В 1617–1618 гг. стольник и воевода, князь Никита Иванович (Ацымгукович) Егупов-Черкасский являлся наместником в Ливнах. В 1630 г. он получил назначение первым воеводой в Передовой полк [Хотко 2017: 337]. В 1585 г. Петр Ахамашуков-Черкасский упоминается как воевода полка Правой руки в походе против шведов, а в 1614 г. как воевода в Галиче и Алатыре. В 1614 г. его сын Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский был направлен в Воронеж в качестве первого воеводы [Хотко 2017: 338]. В 1564 г. братья Иван и Владимир (Таутуковичи) Черкасские возглавляли Передовой и Сторожевой полки в Калуге. Третий брат Борис Таутукович Черкасский был опричным воеводой в Калуге в 1570 г. [Хотко 2017: 338–339]. Уордашао (Семен Ардасович Черкасский) и его родной брат Иланд (Федор Жилеготович Черкасский) дети родного младшего брата Темрюка Жилегота Идарова находятся на русской службе с 1570-х гг. В 1573 г. Семен Ардасович Черкасский упоминается в составе русского войска в Ливонии как «голова», первый воевода в Большом полку. В 1577 г., при наступлении русских войск в Ливонии он первый воевода полка «Левой руки». В 1582 г. при отражении шведского наступления на Орешек, Семен Ардасович Черкасский первый воевода Сторожевого полка [Хотко 2017: 339]. Сын младшего брата Темрюка Идарова Камбулата – Карашай сделал успешную военную карьеру при царе Федоре I Ивановиче (1584–1598). В 1583 г. Карашай (в крещении Борис Камбулатович) назначен первым воеводой Большого полка в Новгород, где вместе с ним воеводой в полке Правой руки несет службу Василий Карданукович Черкасский [Хотко 2017: 340]. С 1585 по 1598 г. Борис Камбулатович Черкасский занимает командные должности: воевода Большого полка в Серпухове, первый воевода Большого полка в Новгороде, первый воевода Сторожевого полка при отражении крымского вторжения и др. [Хотко 2017: 341]. Заметной фигурой среди Черкасских на русской службе был Василий (Казый) Карданукович Черкасский приходившийся внучатым племянником Камбулата Идарова, двоюродным племянником Бориса Камбулатовича. В 1592 г. он возглавлял полк Левой руки при отражении крымского вторжения. В 1598 г. прибывает в Москву сын шурина Ивана IV Грозного Мамстрюка Темрюковича – Каншао. Получив в крещении имя Дмитрия, он служит при дворе Бориса Годунова в чине стольника. В 1612 г. вместе с воеводой Д.М. Пожарским освобождает Москву от поляков. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский командовал русскими войсками при отбитии у Речи Посполитой Углича, Вязьмы, крепости Белой и др. городов. В 1618 г. при вторжении польских войск во главе с королем

Владиславом Дмитрий Мамстрюкович вновь зарекомендовал себя как успешный полководец в боях за Можайск. В 1633 г. поляки осадили Смоленск и, армию, направленную на помощь Смоленску, возглавил Дмитрий Мамстрюкович Черкасский [Хотко 2017: 345–347].

Черкасские проявили себя не только как полководцы, но и как государственные деятели, занимая важные административные посты в русском государстве. Так, тот же Дмитрий Мамстрюкович Черкасский возглавлял Казанский и Сибирский приказы [Хотко 2017: 346–347]. Племянник Дмитрия Мамстрюковича Черкасского Иван Черкасский, сын его двоюродного брата Бориса Камбулатовича в 1633 г. фактически становится главой правительства при царе Михаиле Федоровиче Романове. Он возглавлял практически все приказы с 1624 г. до своей смерти в 1642 г. [Хотко 2017: 347].

После смерти Дмитрия Мамстрюковича Черкасского в 1651 г. лидерство среди Черкасских перешло к троюродному брату Дмитрия Мамстрюковича, сыну верховного князя Кабарды Куденета Камбулатовича – Якову (Урускану) Кудинетовичу. Сразу по прибытии в Москву в 1625 г. Яков Кудинетович Черкасский получает чин стольника. Занимает различные государственные должности: возглавляет Стрелецкий и Иноземные приказы, а в 1648 г. правительство. Яков Кудинетович проявил себя и на военном поприще как военачальник. Он командовал русской армией в войнах с Речью Посполитой (1654–1667) и Швецией (1656–1658) [Хотко 2017: 348–349]. Другой известный представитель князей Черкасских – первый российский генералиссимус (1695) и сподвижник Петра I Михаил (Алей) Алегуквич Черкасский. Происходивший из рода Идаровых он поступил на службу в 1664 г. при царе Алексее Михайловиче. Быстро и успешно продвигается по службе, становится воеводой в Новгороде, Москве, командует русскими войсками в русско-турецкой войне 1676–1681 гг. Он стоял у истоков создания первых регулярных по европейскому образцу полков русской армии (Семеновского и Преображенского) и других преобразований Петра I [Адыгская... 2006: 1094].

При всех царях – от Ивана IV (Грозного) до Петра I по два представителя рода Черкасских входили в Боярскую Думу: при Иване IV – Михаил Темрюкович и Семен Ардасович; при Федоре Иоановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий Карданукович; при Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович; при Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич; при Петре I – Михаил Алегуквич и Михаил Яковлевич [Гогитидзе 2013: 50].

Позиции черкесской партии в лице князей Черкасских при русском дворе к XVIII в. ослабли и со смертью великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 г. закончилось их влияние на государственную жизнь России. Для российского государства, вступающего на путь европейской и имперской модернизации, черкесские аристократы с их феодальной психологией, традиционным воспитанием и амбициями были уже не так востребованы как раньше. В большом количестве для поступления на российскую государственную службу начинают прибывать немцы, англичане, итальянцы и др. представители европейских государств. Сам будущий

император Франции Наполеон Бонапарт, будучи молодым лейтенантом, первоначально намеревался поступить на русскую военную службу. Кроме переформатирования Московского царства из феодального государства в империю с зарождающимися капиталистическими отношениями, изживанию института выезда на службу в Россию черкесских аристократов способствовало и смена формата отношений черкесских феодальных политий и Российской империи. С изменением внешней политики России на Северном Кавказе, начиная со времени правления Екатерины II, черкесские (кабардинские) князья из союзников стали превращаться в противников империи. К середине XVIII в. Российская империя достигла пика своего могущества и с этого времени начала в одностороннем порядке менять сложившуюся практику отношений с феодальными владениями в регионе, переходя от политики поддержания союзнических отношений и протектората к политике жесткого включения их в административно-политическую систему империи, с ликвидацией политического и территориального суверенитета. Первой испытала на себе последствия такой политики Кабарда – феодальное княжество, занимавшее важное стратегическое положение на Центральном Кавказе и контролировавшее транспортные коммуникации с Закавказьем. Кроме того она имела большое политическое влияние на родственных ей черкесов Западного Кавказа, а ряд горских народов (абазины, балкарцы, карачаевцы, осетины, карабулаки) находились в политической и экономической зависимости от кабардинских князей [Кушева 1963: 82, 83, 160, 167, 168, 173]. Поэтому покорение Северного Кавказа Российской империей начала с Кабарды. В российской политической элите возобладала точка зрения сторонников завоевания Северного Кавказа и населяющих его народов, в отличие от тех чиновников, которые предлагали довольствоваться вассальной зависимостью местных князей от российского монарха.

Начало трансформации Московского царства в Российскую империю было заложено Петром I. И при нем, можно сказать имел место один из последних прецедентов выезда на службу на договорных началах на основе феодального права в лице кабардинского князя Эльмурзы Бековича-Черкасского. Основатель княжеской фамилии Бекмурзиных Бекмурза Джембулатов придерживался прорусской политической ориентации и в соответствии с правилами того времени попеременно отправлял аманатами в русскую крепость Терки своих сыновей. В последней четверти XVII в. междоусобицы между князьями Шогенуковыми (прокрымской политической ориентации) и Джембулатовыми закончилась истреблением Шогенуковых. В 1675 г. произошло убийство князя Адильгирея сына Алегуки Шогенукова, организацию которого родственники убитого приписывали Бекмурзе Джембулатову. По их наущению при вторжении крымских войск в 1682 г. в Кабарду крымский хан расправился с Бекмурзой. От Бекмурзы осталось шестеро сыновей: Шолох, Татархан, Девлетгирей, Кайсын, Батоко и Эльмурза. Сыновья Бекмурзы Шолох и Девлетгирей были аманатами в Терках. После убийства Бекмурзы его сын-аманат Девлетгирей в юном возрасте был крещен, наречен Александром, а чтобы его не путали с другими находившимися на

русской службе кабардинскими князьями с фамилией «Черкасские», последнему по его отчеству дали двойную фамилию «Бекович-Черкасский». Ставший ближайшим сподвижником российского императора Петра I, Александр Бекович-Черкасский трагически погиб в Хиве в 1717 г. Вместе с ним погиб и сопровождавший его в этой экспедиции с отрядом своих уорков старший брат Шолох. Их младший брат Эльмурза также изъявил желание вступить «на вечную службу» в русскую армию. В 1719 г. с согласия своих родственников и по договоренности с русским царем Эльмурза Бекмурзович Джембулатов покинул Кабарду. По обычаю, Эльмурза отказался навечно от всех земель и крестьян в Кабарде, а взамен ему разрешили набрать добровольцев из уорков рода Джембулатовых в количестве 40 человек с их семьями и прислугой. В том же году Эльмурза прибыл в Москву, а оттуда в Петербург на аудиенцию с царем. Петр I сохранил за ним звание князя, произвел сразу в капитаны иррегулярных войск, распорядился построить для него дом в Астрахани и назначил годовое жалованье. С 1720 г. Эльмурза со своими уорками проживал в Астрахани. В 1722 г. его отряд участвует в Каспийском походе Петра I, где легкая кавалерия кабардинцев не раз отличилась. За эти заслуги он был назначен императором князем всего нерусского населения в прикаспийских владениях России. В связи с чем, Эльмурза Бекович-Черкасский был переведен на Кавказ в крепость Святого креста, где командовал всеми казаками, новокрещенцами и охоченами¹. Около крепости располагалась слобода Охоченная, населенная черкесами и другими горцами (чеченцами), добровольно несшими военную службу с сохранением исповедания исламской религии. К 1727 г. в этой слободе проживало до 300 черкесских фамилий, состоявших в команде Эльмурзы Бековича-Черкасского. К тому времени он был пожалован царем чином полковника [Налоева 2015а: 199–201]. Е.Д. Налоева, отмечая особую заинтересованность русского правительства в привлечении кабардинцев к военной службе в иррегулярных частях, писала: «служба узденей полковника Э.Б. Черкасского была многообразной и трудной. Как свидетельствуют источники, многие из них в совершенстве владели турецким, татарским и персидским языками. Поэтому их использовали в качестве переводчиков, разведчиков, посыльных. Если к этому прибавить, что они были отличные воины, то будет вполне понятна значимость этого рода войск» [Налоева 2015а: 201]. В чине полковника князь Эльмурза Бекович-Черкасский участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., где командовал не только черкесами, охоченами, но и полковыми и семейными казаками. По окончании русско-турецкой войны был принят в С.-Петербурге императрицей Анной Ивановной, награжден чином генерал-майора иррегулярных войск с повышением годового жалованья, кроме того двадцати его наиболее отличившимся уоркам установлены годовые жалованья. Во время

¹ Охочены или окочены – по своей охоте вышедшие из гор на жительство в российские владения чеченцы; новокрещенцы – представители разных народностей Кавказа, принявшие христианство и подданство России, несшие военную службу в ее пользу в иррегулярных соединениях.

Семилетней войны был призван со своим отрядом в действующую армию, но со смертью императрицы Елизаветы Петровны был отозван на Кавказ. В 1747 г., когда в Кабарде обострилось противостояние двух княжеских коалиций, Эльмурза был командирован туда российским правительством с миротворческой посреднической миссией. В 1758 г. Эльмурза Бекович-Черкасский умер, оставив четверо сыновей, положивших начало русским князьям Бекович-Черкасским. Сам Эльмурза в отличие от предшествующих поколений кабардинских князей, поступивших на русскую службу, вероисповедания не менял и умер, будучи мусульманином [Налоева 2015a: 202].

Поступление на российскую военную службу Эльмурзы Бековича-Черкасского представляло собой уже не классический вариант института выезда на службу а, трансформированный. В то же время его нельзя рассматривать как простой наем на службу. Он получил в Кабарде в соответствии с правилами института выезда на службу, согласие князей своего удела взять с собой служилых дворян и эти уорки служили ему лично как своему князю-сюзерену, а вместе с ним и России. Отмеченная Е.Д. Налоевой формула о назначении его российским правительством «князем» всего нерусского населения в прикаспийских владениях России, сближает его статус со статусом выезжих кабардинских князей служивших при Терском городе в XVI–XVII вв., также имевших при себе свои дружины уорков и обладавших определенными владельческими правами над нерусским населением «охоченной и черкасских слобод» [Кушева 1963: 81].

С его смертью можно констатировать прекращение функционирования традиционного феодального института выезда на русскую службу кабардинских князей. Из их числа и впоследствии вышло немало военачальников, дослужившихся до самых высших военных чинов, но они поступали на службу уже в качестве российских подданных, служба которых была оформлена не в рамках вассально-сюзеренных отношений, как это имело место, начиная с XVI в.

Османская империя

Большую роль сыграли черкесы также в истории становления и развития османского государства. Черкесская община Османской империи сформировалась еще задолго до массовой депортации черкесов в Османскую империю, имевшей место в 1859–1865 гг. и ставшей последствием их военно-политического поражения в Кавказской войне (1763–1864 гг.).

Значительное число черкесов на османской военной и государственной службе и включение их в состав «профессиональных османов» являлось результатом тех же причин, по которым они попадали и в другие страны (работоторговля, наем и выезд на службу). В источниках упоминающих черкесов, чаще всего нет информации об условиях появления их на османской службе, будь это наем, феодальный институт выезда на службу с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений или же в

рамках института военного рабства. Выезды на службу имели место, по всей видимости, в более ранний период (XV–XVI вв.), но и в это время, а тем более в XVIII – первой половине XIX вв. превалировал именно наем на военную службу.

На службу могли наниматься как целыми отрядами, так и в индивидуальном порядке. Большое количество черкесов поступало на службу в турецкую армию на всем протяжении существования Османской империи. Среди известных черкесских наемников XVII в. часто фигурирует в источниках имя бесленеевского аристократа Кутфадж-паши. Э. Челеби описывает его как типичного черкесского рыцаря: «Он происходил из отважного черкесского племени болоткай. Он был прославленным, смелым, храбрым мирливой (военное звание Османской армии и флота, соответствующее генерал-майору в современной турецкой армии – А.М.). Этот паша, истребивший немало арабов... был справедливый, заботящийся о реайе (подданных – А.М.) предводитель войска. Но он совершенно не знал турецкого (языка). Он разбирался только в мечях, конях, кирасах, хороших лошадях. Ни один муж не проявил такой смелости, какую он показал во время наших священных походов на Гонию и Мегрелию» [Челеби 1983: 232–233].

Уже к XVIII в. черкесских сановников и военачальников в Османской империи было так много, что их трудно было бы всех перечислить. Известный случай выезда на службу, упомянутый ранее бесленеевский князь Мохопоко Коноков, шурин султана Сулеймана I Великолепного (1520–1566), чьей первой женой была его сестра. При дворе султана Сулеймана был известен дефтер-дар (главный казначей – А.М.) Черкес Касым-паша, бывший бейлербей (наместник) г. Кафы, жанеевец по происхождению. В правление султана Мурада III (1574–1595) прославился своими победами на Кавказе в 1569, 1578–1579 гг. черкес Оздемыр-паша, умерший на посту великого визира в 1585 г. Количество выезжающих из Черкесии на турецкую службу в XVII–XVIII вв. резко возросло, о чем свидетельствуют имена крупных государственных деятелей, полководцев, дипломатов. Во времена правления султанов Ахмеда II (1691–1695), Мустафы II (1695–1703) и Ахмеда III (1703–1730) большим влиянием в государстве пользовался черкес Осман-паша, строитель крепости Ени-Кале и командующий военно-морскими силами (капудан-паша). Его современник, Черкес Мехмед-паша был губернатором Иерусалима. Еще один Черкес Мехмед-паша (Магомед-ага) на рубеже XVII–XVIII вв. был наместником в Алеппо, Иерусалиме, командовал войсками в Море, за успешные военные операции был пожалован в трехбунчужные паши (маршальское звание). В первой трети XVIII в. Черкес Ахмед-паша был наместником в Сирии и на Балканах. В правление Ахмеда III сподвижником и близким другом трехбунчужного паши Абаза Осман-паши был некий Черкес Магомед-паша [Хотко 1999: 60]. Приставка «Абаза» и «Черкес» указывают на абхазо-абазинское происхождение первого и черкесское (адыгское) второго. Зачастую под антропонимом «Черкес» могли фигурировать люди с убыхским и садзским происхождением. Стремительную карьеру при дворе Ахмеда III сделал черкес

Сулейман-паша за 9 лет прошедший путь от оруженосца султана (силяхтар) до поста великого визиря (садразама) в 1712 г. [Хотко 1999: 60].

При султানে Махмуде II (1808–1839) был знаменит черкес Хафиз-паша возвысившийся до звания сераскира (главнокомандующего). В отличие от многих высокопоставленных черкесов, попавших в Стамбул в юном возрасте в качестве невольников, Хафиз-паша был наемником и выехал на службу в зрелом возрасте. Он происходил из знатного нухайского рода. Его брат, Хусейн-бей, был одним из военных предводителей черкесов в Кавказской войне в 1830–1840 гг., о чем упоминает в своем дневнике Мориц Вагнер [Вагнер 1974: 631]. Интересные сведения о черкесах в османской армии имеются в русских источниках. Так, в них упоминается, например, турецкий офицер – хатукаевский дворянин Хуршид-Дахун-оглу, посланный на Кавказ с письмами, адресованными предводителям Северо-Западного Кавказа в 1845 г. [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6592. Л. 2–3]. Присутствие черкесов в турецкой армии во время Крымской войны отмечено в воспоминаниях наемника и ренегата на турецкой службе Садык-паши (Михаила Чайковского). В своих воспоминаниях Садык-паша сообщает, что одним из четырех корпусов европейской турецкой армии в 1854 г. командовал черкес Измаил-паша [Турецкие... 1883: 315]. В Крыму отличился Черкес Фуад-паша [Турецкие... 1883: 314]. 25-тысячный корпус регулярных войск на кавказско-малоазийском фронте возглавлял Черкес Абди-паша [Турецкие... 1883: 265]. В составе среднего командного звена османской армии также упоминаются черкесские наемники: так упоминается некий кабардинский князь Бределлах, получивший военное образование в С.-Петербурге и служивший командиром сформированного в составе османской армии казачьего полка в 1854 г. [Турецкие... 1883: 69].

В русско-турецкой войне 1710–1711 гг. одним из войсковых соединений командовал еще один Черкес Мехмед-паша. В русско-турецкой войне 1768–1774 гг. своими кавалерийскими рейдами по тылам русской армии отличился Черкес-паша, погибший во время поединка с полковником лейб-гвардии казачьего полка [Хотко 1999: 61]. В 1834 г. послом в России был черкес Ахмед Февзи-паша, командующий султанской гвардией, носившего титул мушир-паши (фельдмаршала) [Хотко 1999: 67]. В 1800 г. отмечено присутствие отрядов легкой кавалерии из Черкесии в составе османского экспедиционного корпуса в Египте. Большая часть этих наемников оседала в Османской империи, меньшая возвращалась на Кавказ [Кушхабиев 1997: 24].

Выезду и поступлению на османскую службу способствовали и упомянутые нами ранее матримониальные связи черкесских аристократических домов с султанами, когда их черкесские жены и матери продвигали при дворе и в армии своих братьев и родственников. Сам институт султанского гарема имел огромное влияние на политическую жизнь и кадровую политику османского государства. Роль и влияние в этом гареме уроженок Кавказа всегда была значительной. Особенно значимым при дворе султана было положение матери султана (валиде-султан), обладавшей высоким статусом, властью и влиянием на государственные дела. Мать Селима III, вдова Мустафы III (1754–1774) – Михри-и-Шах была черкешенкой. Именно в это время получили продвижение

по службе черкесские военачальники Хасан-паша Мейит, бывший некоторое время великим визирем и Хусейн-паша Кучук, вошедший в историю как ближайший сподвижник султана-реформатора Селима III. В 1801 г. султан отправил его во главе шеститысячного десанта в Египет для изгнания французского экспедиционного корпуса Наполеона. Любопытно, что в этой экспедиции в составе османских сил, участвовал в молодом возрасте будущий лидер черкесов-натухайцев в Кавказской войне Шамуз Шупако [Хотко 1999: 64].

Наемничество (кондотьерство), как социальное явление, зародившееся в отдаленную эпоху, дожило до нового времени. Даже в наши дни государства Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, имеющие собственные армии, тем не менее, пользуются услугами наемников. Они используются в военных конфликтах и операциях, официальное участие в которых для государств нежелательно. Так называемые частные военные компании (ЧВК; англ. Private military company) – коммерческие предприятия, предлагающие специализированные услуги, связанные с охраной, защитой (обороной) кого-либо и чего-либо, нередко с участием в военных конфликтах, а также со сбором разведывательной информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием. Часто их используют для организации государственных переворотов в странах так называемого третьего мира.

Примером черкесского кондотьера и «солдата удачи» нового времени является судьба одного из лидеров белого движения на Кубани натухайского дворянина полковника Кучука Касполетовича Улагая, эмигрировавшего с поражением Врангеля в Константинополь, а оттуда с набранным им отрядом из черкесов и русских белоэмигрантов перебравшегося в Албанию. Он прибыл туда для совершения государственного переворота по приглашению и в пользу изгнанного премьер-министра страны Ахмета Зогу. В мемуарах другого черкесского эмигранта М. Натырбова этот эпизод из жизни Кучука Улагая описывается достаточно подробно: «Один из моих дальних родственников, полковник Кучук Улагай, совершил весьма выдающуюся карьеру и его имя было широко известно в черкесской колонии (Константинополя). Однажды местный албанский племенной вождь, Zog, прибыл в Константинополь и начал спрашивать, кто среди черкесов может помочь ему организовать военный отряд, чтобы свергнуть существующий албанский режим. Эти поиски привели его к полковнику Улагаю, который, после короткого обсуждения, согласился помочь албанскому вождю. Деньги, по всей видимости, не были проблемой для Зога, и в течение нескольких месяцев Кучук Улагай организовал и экипировал значительный черкесский отряд, который был тайно отправлен в горы Албании для тренировки и осуществления спланированной акции. Когда все было готово, Zog подал сигнал начать операцию. Без больших трудностей, полковник Улагай нанес поражение правительственным силам, а Zog был провозглашен королем Албании. В качестве награды, Кучук Улагай стал губернатором Тираны, столицы Албании. Он жил благополучно в Албании до второй мировой войны, когда страна была оккупирована германо-итальянскими войсками» [Хотко 2017: 75]. В 1839 г. К. Улагай выехал в Иран, где с 1941 г.

был начальником военного училища. В 1945 г. переехал в столицу Чили – Сантьяго, где служил в Военно-географическом институте [Казаков 2017: 459–460].

Крымское ханство

Крымское ханство, возникло на развалинах Золотой орды в 40-х гг. XV в. После включения Крымского ханства в государственную систему Османской империи в 1475 г. его военно-политические позиции в Северном Причерноморье неизмеримо возросли [Кожев 2019: 41]. Вступив в вассальные отношения с османскими султанами, крымские ханы получили мощный ресурс, позволявший им добиваться военно-политического лидерства в регионе и проводить экспансионистскую политику в отношении соседних народов. И здесь столкновение Крымского ханства и черкесских политий становилось неизбежным. Их отношения были не простыми, но они не были только враждебными. И конфронтация, и вассалитет, и союзничество – на разных этапах были характерны для них. Многочисленные матримониальные связи и воспитание ханских отпрысков по обычаю аталычества в Черкесии связали узами кровного и искусственного родства правящую крымскую династию с ведущими княжескими домами Бжедугии, Темиргоя, Бесленея и Кабарды. За более чем трехсотлетнее взаимодействие, в результате взаимного влияния и социально-политической интеграции, произошел этно-культурный симбиоз политических элит Крымского ханства и черкесских княжеств [Кожев 2019: 23].

В феодальную эпоху наиболее мобильными социальными слоями населения были аристократические элиты. Обычно военно-служилая аристократия мигрирует в более мощные страны и поступает на службу к правителям, чей сословный статус признается более высоким. В случае с Крымским ханством и Черкесией эти миграции происходили в обоих направлениях. Постоянное или временное проживание в Черкесии большого количества принцев крымского правящего дома Гиреев стало причиной появления специфической социальной страты адыгского феодального общества – *хъаныкъуэ* или в русской терминологии – султанов [Кожев 2019: 35–36].

Выезду значительного количества черкесских аристократов на службу ко двору правящей династии Гиреев способствовало несколько факторов. Среди них можно отметить три основных: 1) включение западно-черкесских княжеств Жане, Темиргоя, Бесленея и Бжедугии в орбиту политического влияния Крымского ханства и установление с их стороны вассальных отношений; 2) матримониальные связи и 3) институт *быфадэ-нлур* (аталычества).

Вхождение этих княжеств в политическое пространство Крымского ханства сопровождалось переселением значительных групп черкесов в Крым. В XVII в. черкесское село в Крыму в районе Карасу-базара зафиксировано Э. Челеби [Челеби 2008: 151]. Другой турецкий автор в 1740 г. отмечает наличие в Крыму крупного черкесского населенного пункта. «Это значительное село, – пишет он, – расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море.

Там находится Ак-Чибукубег, вассальный вождь черкесского хана, который командует войском, составленном из людей 300 черкесских сел» [Губоглу 1964: 150]. Представители черкесских княжеских и дворянских фамилий, поступавшие на службу к крымским ханам, со временем ассимилировались и пополняли ряды крымско-татарской знати. К ним, например, относилась знатная крымско-татарская фамилия Балатуковых. Их предок темиргоевский князь прибыл в Крым в 1709 г. и служил министром финансов во время правления Каплан-Гирея. Его внук – Мемет Бей, был министром финансов Крым-Гирея в период его первого правления (1758–1764гг.). После упразднения Крымского ханства и присоединения его территории к Российской империи сын Мемет Бей князь Кая-Бей Мемет-Беевич (в крещении Кирилл Матвеевич), поступил в 1786 г. на российскую службу и дослужился до чина генерал-майора (07.12.1813) [Гогитидзе 2013: 107]. Жанеевские князья, постоянно проживавшие в Крыму дали начало знатной фамилии Хункаловых, из которых впоследствии вышло большое количество российских военных офицеров (Хункалов Абдул-бей Пирмамет (полковник 1850 г.), Хункалов 1-й Ахмет-бей Пирмамет (генерал-майор 1832 г.), Хункалов Максот-бей (ротмистр 1836 г.), Хункалов Махмут-бей Ахмедбеевич (полковник 1838 г.), Хункалов 2-й Селямет-бей Пирмамет (есаул к 1808 г.). В формулярных списках об их происхождении указано: «Из черкесских князей Таврической губернии» [Казаков 2017: 483–486].

Все подвассальные крымскому хану черкесские княжества обязаны были по его призыву мобилизовать свои отряды для участия в военных походах. В походах крымской армии на Украину, Польшу, Валахию, Россию, Закавказье и др. страны в ее составе часто упоминаются черкесы [Кушева 1963: 152]. В XVII в. большое число черкесов осело в Крыму и оказывало значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Гиреев. Ногайские мурзы временами открыто выражали Гирееям свое недовольство – «всем у вас ведают черкесы, а нам не с руки» [Максидов 2003: 62].

Второй фактор, способствующий выезду на службу в Крымское ханство черкесских аристократов – обширные матримониальные связи правящей династии Гиреев с аристократическими семьями княжеской Черкесии.

Кровь крымских ханов, как и турецких султанов, по сути, была черкесской: почти все они, начиная с хана Девлет Гирея I (1551–1557), женились на дочерях черкесских князей дома Инала. Две из четырех официальных жен Девлет Гирея I были черкешенками. Членами крымского дивана в правление хана Девлет Гирея I были Татар-мурза и Ахмед-Аспат «Черкасские» – братья первой жены хана Айше Фатьмы [Тазрютовой]. Это женщина, из знатного бесленеевского дворянского рода Тазартоко обладая сильным характером, держала бразды правления в своих руках. Черкесы при этом хане занимали ведущие государственные посты, отчего в 1557 г. последовал античеркесский бунт, который жестоко был подавлен. Зятем кабардинского князя Шолоха Талостанова был крымский хан Казы Гирей II «Бора» (1588–1596, 1596–1608). Мать хана Джанибек Гирея II (1610–1623, 1624, 1628–1635) Дурбика происходила из рода Каноковых, сам он взял женой

княгиню Накуру Ибаковну, племянницу верховного князя Кабарды Шолоха Татлостанова. Дочь князя Казия Пшиапшокова была выдана замуж за хана Ислам Гирея III (1644–1654) [Сокуров 1999: 100–102]. Шагин Гирей крымский нурэддин (1608–1609) и калга (1610, 1623–1628), сын крымского хана Саадета II Герая (1584), младший брат и сподвижник хана Мехмеда III Герая был женат на сестре князя Казыевой Кабарды Алегуки Шогенукова [КРО 1957: 144].

Третий фактор инкорпорации черкесов в военно-административную систему Крымского ханства был связан с тем, что все Гирейи были черкесскими воспитанниками.

В 40–60 гг. XVII в. согласно Э. Челеби каждое черкесское племя имело у себя по гирейскому отпрыску [Челеби 2008: 117]. Хан Бахадур-Гирей I (1638–1642) отдал своего сына на воспитание жанеевскому князю Антонаку [Смирнов 2005: 399]. Другой его сын Мубарак-Гирей, согласно Э. Челеби, воспитывался в черкесском племени Собай, а сын отставного хана Мухамеда VI у темиргоевцев [Челеби 2008: 117; Челеби 1979: 74].

Институт воспитательства (аталычества) служил инструментом закрепления вассальной связи между крымскими правителями и черкесскими княжествами. В этом была обоюдная заинтересованность сторон. Воспитанник черкесов в случае необходимости всегда рассчитывал на военный ресурс и поддержку народа, в котором он воспитывался. В междоусобных войнах в Крымском ханстве часто принимали участие черкесы на стороне своих воспитанников. Если в борьбе за ханский престол тот или иной претендент терпел поражение, он находил убежище в Черкесии у своих приемных родителей (быфадэ). Если же он становился ханом то наоборот, весь клан его воспитателей мог рассчитывать на его военную поддержку в междоусобной борьбе черкесских князей. По обычаю сами дети черкесских князей воспитывались в нижестоящих в сословной иерархии дворянских семьях, но сами черкесские князья брали на воспитание только детей крымских ханов. Связь по аталычеству была настолько священна и крепка, что в конфликтах родителей и аталыков воспитанники часто принимали сторону своих воспитателей. Аталыки были обязаны мстить за убийство или обиду, нанесенную их воспитанникам, как и последние, обязаны были вступаться за своих воспитателей [Кушева 1963: 150–151]. Но так как все воспитатели крымских ханов и их отпрысков были черкесскими князьями, то волей-неволей они оказывались втянутыми во все черкесские междоусобия. Если к этому еще добавить, что редко какой крымский хан не имел мать или жену из знатных черкесских семей, то они зачастую становились заложниками распрей своих родственников. Активное участие крымских Гиреев в черкесских междоусобиях стоило многим из них жизни.

Кроме политических мотивов причиной воспитания всех без исключения отпрысков крымских Гиреев в Черкесии, была высокая военная культура черкесов, к которой сами татары относились с пиететом и старались ей подражать. Через институт аталычества эта культура оказала значительное влияние на элиту Крымского ханства. Д. Кантемир писал в этой связи: «Они всегда изобретают что-нибудь новое в своих манерах или оружии, в которых

татары подражают им так пылко, что черкесы могут быть названы французами в отношении татар. Их страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается «тентеком», то есть нестоящим, ничтожным человеком. Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение. Когда принц подрастет, его заботливо обучают езде верхом, стрельбе из лука, ношению оружия, военной науке, и затем отправляют его домой. Эти люди настолько храбрые, что, по уверению самих татар, насколько 10 крымцев сильнее 15 буджакан (ногайцев – А.М.), настолько 5 черкесов сильнее 10 крымцев» [Кантемир 2006: 100–101].

Если черкесский воспитанник становился ханом, то он, зачастую, забирал к себе своих новых родственников в Бахчи-Сарай, и это было одним из путей появления черкесов на службе в Крымском ханстве и пополнения ими крымской аристократии.

Речь Посполитая (Польша)

В 1561 г. в Краков – столицу Речи Посполитой для поступления на службу к польскому королю прибыла группа черкесских князей. Их сопровождали 300 воинов и их семьи. Король Сигизмунд II Август принял их с подобающими их рангу почестями и подарками. Это были западно-черкесские князья: братья Касим Камбулатович Черкасский и Гаврила Камбулатович Черкасский, Онышко Черкасский – брат жанеевского князя Сибока (в крещении Василия Консауковича Черкасского), Кудадек (в крещении Александр) Черкасский – сын Сибока (Василия Кансауковича), братья Темрюк Жумкович и Солтан Жумкович Черкасские [Крушинский 2002: 149–151]. Ранее жанеевские князья Сибок, его брат Онышко заключили союз с Иваном IV (Грозным), который принял их в свое подданство и «учинил отъезд и приезд добровольный». В знак закрепления этого союза направленного против крымского хана Сибок оставил в Москве своего сына Кудадека, крестившегося и поступившего на службу к русскому царю. Однако этот союз призванный оградить жанеевское княжество от крымской агрессии, не оправдал надежды Сибока. В 1561 г. послы Ивана IV, сватавшие дочь Сибока за царя, получили отказ, и в том же году из Москвы в Польшу отъехал (фактически бежал) его сын Кудадек [История... 2007: 60]. Возможно, этот отъезд втайне готовился при участии другого выезджего служилого князя Дмитрия Вишневецкого. Находившийся на службе у польского короля, он в 1558 г. поссорившись с Сигизмунда II Августом, перешёл на службу к царю Ивану IV Васильевичу. Однако уже в 1561 г. он возвращается (бежит) в Польшу. Бегство служилых князей привели Ивана Грозного в ярость, заочно они были приговорены к смерти. О Вишневецком же царь, говорят, сказал: «Димитро пришел к нам как собака, и ушел так же». Тем не менее, он послал свое доверенное лицо – Алексея Клобукова в Польшу убедить князей вернуться обратно, но князья оказали его посланцу холодный прием. С одной стороны, такой переход был сильным ударом по престижу Московского царства, а с другой, царь понимал,

что он отдал много очень хороших воинов своему геополитическому сопернику – Польше [Крушинский 2002: 149–150]. Воины, прибывшие в Польшу с Кавказа, были известны полякам как «пятигорские черкесы». Под таким именем фигурировали в русских источниках некоторое время кабардинцы. Но, как свидетельствуют источники, в Польшу прибыли не кабардинские, а западно-кавказские князья, хотя они и фигурируют как «пятигорцы» [Кушева 1963: 146]. Как отмечает в своей статье М. Крушинский: «Большинство черкесских переселенцев уже были ортодоксальными христианами, но некоторые еще были язычники. Позже потомки простых воинов стали украинскими православными, тогда как те, кто принадлежал к высшему сословию, приняли польское католичество» [Крушинский 2002: 150]. Братья Солтан и Темрюк Жумковичи стали командирами особых полков в польской армии – «пятигорские хоругви». Особенно известен Темрюк Жумкович, проявивший лучшие качества черкесского полководца и воина. О его героизме говорит множество документов. Например, 13 апреля 1572 года, когда мощная турецкая армия атаковала польские силы в Молдове, все польские части покинули поле боя в сильной панике, и только Темрюк со своим Пятигорским полком остался и дрался до тех пор, пока польские части оправились и вернулись остановить турок. Его самоотверженные подвиги не остались без награды. Польский сейм и король не раз выделяли его среди рядов польской аристократии. Ему были пожалованы большие поместья в различных частях Речи Посполитой. В основном черкесские князья обосновались в подольском регионе Украины. В Речь Посполитую входили в то время территории современных Польши, Литвы, Украины и Белоруссии. Каждый год новые черкесские воины прибывали в Польшу, чтобы вступить в особые полки пятигорских казаков. Со временем эти полки стали основной частью польской армии. «Пятигорские хоругви» состояли на службе в вооруженных силах Речи Посполитой с XVI в. и продолжали существовать вплоть до конца XVIII в., правда состав их был в то время чисто польским, но специфика формирований оставалась прежней – средневековая «панцирная» кавалерия.

После смерти черкесских князей, основателей этих полков, общее количество черкесов в них сокращалось, а взамен пополнялось польскими, украинскими и татарскими воинами. Однако полки сохранили свою черкесскую внешность и характерные черты: обычаи, оружие, тактику боя. Сегодня польские историки признают огромное влияние тех черкесских князей на эволюцию польской армии. Потомки черкесских князей влились в польское общество и ассимилировались [Крушинский 1999: 102].

По мнению польского историка Б. Барановского довольно широкая военная эмиграция из кавказских стран в Польшу имела место и в XVII в. Многочисленные войны, какие вела Речь Посполитая в этом столетии, вызывали постоянную потребность в профессиональных солдатах, а еще более – в офицерских кадрах. В XVII в. на польской военной службе находилось много черкесов и других горцев с Северного Кавказа, которых обычно тоже называли черкесами, пятигорцами, людьми с Бештау и т.д. [Барановский 1979: 258]. Влияние черкесской военной культуры на польскую армию выражалось в

популярности и широком импорте черкесских образцов вооружения, доспехов, конской сбруи и одежды с Кавказа для польских магнатов и шляхты. Торговля этими товарами находилась в руках армянских купцов. Следует особо упомянуть о значительном импорте в Польшу кавказских лошадей. Во второй половине XVII в. распространилась мода на чистокровных лошадей, привозимых с Кавказа. В магнатских табунах можно было в то время увидеть много черкесских лошадей. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо выше цен на турецких и персидских лошадей. В то время это были самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами [Барановский 1979: 254]. В XVII в. влияние кавказской моды на польскую было столь значительным, что польский король Ян Собеский (1674–1696), одевавшийся в кавказскую одежду, о том, какой была мода в краю черкесов, узнавал от специальных посланцев. Западные европейские путешественники, которые в XVII в. бывали в Стамбуле, отмечали в своих описаниях, что одежда польских послов почти ничем не отличалась от черкесской [Барановский 1979: 256].

Грузия

Одной из соседних стран, куда в эпоху средневековья выезжали на службу или нанимались черкесские аристократы, была Грузия. В Грузии у царей Картли, Имеретии и Кахетии воинами и дипломатами служили многие из черкесских князей и дворян (Келахстановы, Талостановы, Анзоровы и др.). В исторических хрониках при дворе Темураза I (1606–1648) упоминаются Георгий (Юрий) Черкас, стольник, а вместе с ним «черкашенин Загар» [Сокуров 1999: 102–103]. Ближайшим советником Кахетинского царя Александра II (1574–1605) являлся черкес Хуршит, занимавший при его дворе высокое положение. В 1594 г. он был одним из послов кахетинского царя в Москву к великому князю Ивану III [Белокуров 1888: 23]. Другой черкес на службе у Александра II царя Кахети – Байграм [Белокуров 1888: 168].

Многие грузинские цари были женаты на черкесских, в основном кабардинских княжнах, благодаря чему на государственную службу попадало большое количество их родственников. При выходе замуж девушек из высших аристократических слоев в Грузию по черкесским обычаям ее сопровождали некоторое число подданных ее родителей и ближайшие родственники. Как правило, они оставались при княжнах, со временем ассимилируясь и пополняя высшие слои грузинского общества. Такое происхождение вероятно имеют грузинские князья Черкезишвили, дворяне Пастамлишвили и др. [Гугов 1999: 658].

Браки грузинских владетелей с дочерьми кабардинских князей определялись их заинтересованностью в союзе с Кабардой, как наиболее крупным политическим образованием на Северном Кавказе, имевшим непосредственную границу с Грузией и обладавшим серьезным военным ресурсом в виде высокопрофессиональной панцирной кавалерии. Кратчайший путь в Астрахань, Москву и Крым пролегал как раз через кабардинские и шамхальские земли [Сокуров 1999: 102–103]. Часто военные ресурсы союзных

кабардинских князей грузинские цари использовали не только против внешних врагов, но и для подавления сепаратизма внутренних областей Грузии. Так в 1605 г. во время правления кахетинского царя Александра II (1574–1601, 1602–1605) брат удельного князя Талостанея Шолоха князь Ибак Талостанов, ходил со своей дружиной наказать непослушные Александру сванов. Русские источники сообщают: «...сего.. лета (1604 г. – А.М.) приходил войною в сонскую землю Солохов брат Ибак мурза с черкасы и воевали Александра царево село Кадо, а взяли в полон жонок и робят 40 человек» [Белокуров 1888: 454].

Наем черкесских дружин грузинскими монархами мог иметь как постоянный, так и разовый характер – на период одной военной компании. Так, грузинские источники сообщают, что в начале 70-х гг. XVI в. владетель Мингрелии Мамия Георгий для войны со своими братьями Мамием Дадиани и Гуриели Георгием «...заполучил наемные войска абхазов, джиков и черкесов...» [Абхазия... 1988: 163]. Картлийский царь Теймураз II и кахетинский царь Ираклий II в 40–50 гг. XVIII в. часто прибегали к найму военных отрядов из Кабарды. В 1750 г. объединенное войско грузин, кабардинцев и осетин разбило наголову персов в Шамшадиле. После этого, отпраздновав победу, царь Картли щедро одарив кабардинцев, отправил их на родину. В 1751 г. Ираклий II при помощи наемного кабардинского войска одержал внушительную победу вблизи Еревана, у Кирх-Булаха, над владетелем Тавриза (Южного Азербайджана) Азат-ханом [Гугов 1999: 647]. Особенно часто грузинские цари обращались за помощью к владельцам Малой Кабарды. Так, в 1752 г. Теймураз II и Ираклий II с помощью 2-х тысячной кабардинской конницы разгромили войска хана Шеки-Ширвана Аджи-Челеби, вторгшегося в Грузию [Гугов 1999: 649–649]. Неоднократно войска кабардинцев привлекались царями Грузии для отражения нападений дагестанских владетелей. В частности, они приняли участие в отражении вторжения в Грузию хунзахского владетеля Нурсал-бека в 1754 и 1755 гг. Как сообщают источники, после разгрома Нурсал-бека грузинские цари щедро одарили своих союзников и отпустили домой [Гугов 1999: 650]. После смерти Теймураза II царем объединенной Картли-Кахети стал его сын Ираклий II. Для того чтобы утвердиться на троне и подчинить царской власти непокорных феодалов он привлек наемные отряды кабардинцев и осетин [Гугов 1999: 652–653]. В борьбе с агрессией Джара, дагестанских владельцев, персов и турок Ираклий II, ставший во главе объединенного Картли-Кахетинского царства, опирался на наемные отряды северо-кавказских горцев, кабардинцев, в частности [Гугов 1999: 653].

Ираклий II – царь Кахети (1744–1762), а затем объединённого восточно-грузинского царства Картли-Кахети (1762–1798), при проведении государственных реформ, большое внимание уделял реорганизации грузинской армии. Зная о высоких боевых качествах кабардинской панцирной кавалерии и чтобы иметь ее в составе своего войска, Ираклий II вел тайные переговоры с кабардинцами об их переселении в Грузию. Однако эти планы были пресечены российской администрацией на Кавказе [Гугов 1999: 656].

Персия

Персия являлась также одной из стран выезда на службу черкесской аристократии. Кабардинская знать была связана родством с иранскими шахами. В частности, шах Аббас I (1587–1629) был зятем кабардинским, при его дворе служил черкес Ферхад-бек, исфаханский воевода. Князю Мудару Алхасовичу, как своему родственнику, шах Аббас I поручил контроль над стратегическим и торговым путем через Дарьяльский проход [Кушева 1963: 82, 305]. Кабардинкой была и мать шаха Сафи I (1629–1642). К нему часто ездили малокабардинские князья Бобарука, Татархан и Тонжехан Асланмурзины, а их старший брат Желегот в крещении Иван служил стольником и воеводой в Москве [Сокуров 1999: 102]. Княгиня Увжюгта, сестра Муцала Сунчалеевича (род Идара), была замужем за шахом Аббасом II (1642–1667) [КРО 1957: 385].

Как выяснил в своем исследовании старший научный сотрудник Института кавказских исследований в Тегеранском университете Хамед Каземзаде, во время правления шаха Тахмаспа I (1514–1576) из династии Сефевидов в армии, государственном аппарате и гареме усилилось влияние кавказцев (грузин, армян, черкесов и дагестанцев). Став преемником Исмаила I, он вступил на престол в 1524 году в возрасте десяти лет и попал под контроль кызылбашей, из чьей среды собственно и вышла правящая династия. Лидеры кызылбашей боролись между собой за право быть регентами над Тахмаспом и, таким образом, обладали большей частью власти в империи. Однако повзрослев, Тахмасп смог укрепить свою власть и контролировать соплеменников, опираясь на кавказцев. Эту политику продолжил шах Аббас I (1588–1629). В период 1603–1605-х годов тысячи жителей Кавказа – грузины, армяне и черкесы, были расселены в районе Исфахана. Позже потомки этих переселенцев стали частью персидского шахского двора и играли значительную роль во внутриполитической жизни Персии.

В середине XVI в. при шахском дворе одной из наиболее влиятельных фигур стала принцесса Парихан Ханум. Она была второй дочерью Тахмаспа от его второй жены черкешенки Султан-Ага Ханум. Вокруг Парихан Ханум, ее брата Сулаймон Мирзо и дяди по матери Шамхал Султана создавалась черкесская партия. После смерти отца Парихан Ханум, опираясь на поддержку своего дяди по матери и черкесской партии дважды фактически играла роль главы государства. Первый раз это случилось, когда после смерти Шаха Тахмаспа в 1576 году она содействовала приходу к власти Исмаила Мирзо, правившего под именем Исмаила II (1576–1578). Любимым сыном Тахмаспа считался Хайдар Мирзо, чья мать была грузинкой, и именно он рассматривался в качестве наследника престола. Однако Парихан Ханум вручила ключи от дворца своему дяде по материнской линии Шамхал Султану. Тот в свою очередь, незамедлительно взял контроль во дворце в свои руки и заполнил его 300 черкесами. Заговор имел успех. Хайдар Мирзо, чья мать была грузинкой, был убит руками нескольких человек, среди которых был и Джамшед Бег, черкесский раб родного брата Парихан Ханум Сулеймана Мирзы. Султан

Мухаммад Худобанда (1578–1587) – следующий правитель, которого она привела к власти. В 1578 г., последний, решив избавиться от влияния Парихан Ханум и ее черкесской группировки, приказал убить Парихан Ханум и ее черкесского дядю. В связи с их смертью, влияние черкесов в политические дела Сефевидов некоторое время было приостановлено, но никогда не прекращалось¹.

Седьмой сефевидский шах Ирана Аббас II (1552–1666) был старшим сыном шаха Сафи I (1638–1629) от черкесской жены Анны Ханум. Пока Аббас был молод, в течение первых трех лет его правления, власть в стране фактически принадлежала его матери, которая правила в союзе с великим визирем Сару Таки. Черкешенка Анна Ханум умерла 9 сентября 1647 г. Одной из жен Аббаса II была черкешенка Накихат Ханум, его сын от этого брака Сулайман I правил с 1666 по 1694 гг. под именем шаха Сафи II².

Заключение

Институты выезда на службу и военного отходничества входили в число основных институтов военной культуры черкесов и функционировали в период Средневековья и до Нового времени. Выезд на службу, в отличие от военного отходничества, был сугубо феодальным институтом, с соответствующим оформлением в рамках вассально-сюзеренных договорных отношений. Выезд на службу был характерен для высших слоев черкесской аристократии, для всех остальных сословий черкесского общества было характерно военное отходничество. Последнее не предполагало заключения договорных отношений, установления вассально-сюзеренных отношений и обязательной инкорпорации в состав правящего класса принимающих стран.

Выезд на службу и военное отходничество черкесов в страны Восточной Европы, Закавказья и Ближнего Востока был обусловлен спросом на профессиональных воинов и налаженной черкесами эффективной системы воинского воспитания в рамках институтов быфадэ-пур (аталычества) и «уркь-хабзэ».

Появлению черкесских аристократов на военной службе, кооптации в правящие элиты России, Польши, Турции, Персии и др. государств, способствовали их религиозная индифферентность, приоритет сословных ценностей, а также широкие матримониальные связи черкесских элит с царствующими домами соседних стран.

¹ Каземзаде, Хамед. Черкесы Ирана: от рабства к персидской короне. 04.02.2018 // Caucasus Times – региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/cherkesy-irana-ot-rabstva-k-persidskoj-korone/> (дата обращения: 12.12.2020).

² Каземзаде, Хамед. Черкесы Ирана: от рабства к персидской короне. 04.02.2018 // Caucasus Times – региональное информационное агентство, специализирующееся на новостях Юга России и Закавказья: сайт. URL: <https://caucasustimes.com/ru/cherkesy-irana-ot-rabstva-k-persidskoj-korone/> (дата обращения: 12.12.2020).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абхазия... 1988 – *Абхазия* и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. – Тбилиси: «Мецниереба», 1988. – 180 с.

Адыгская... 2006 – *Адыгская* (черкесская) энциклопедия / Глав. ред. М.А. Кумахов. – М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. – 1247 с.

Адыгэбзэ... 1999 – *Адыгэбзэ* псалгальэ. Словарь кабардино-черкесского языка. Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. – М.: «Дигора», 1999. – 852 с.

Барановский 1979 – *Барановский Б.* Кавказ и Польша в XVII // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. – М.: Наука, 1979. – С. 24–262.

Белокуров 1888 – *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. – М.: Тип. Университетская, 1888. – Вып. 1. – Кн. 3. – Отд. 1. – 584 с.

Вагнер 1974 – *Вагнер М.* Кавказ и земля казаков в годы с 1843 до 1846 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (АБКНКА) / Сост., ред. переводов, введ. и вступ. ст. к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 629–631.

Гогитидзе 2013 – *Гогитидзе М.Д.* Черкесские военные деятели. – Тбилиси: Издательство «Меридиани», 2013. – 356 с.

Губоглу 1964 – *Губоглу М.* Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. – М.: Институт Востоковедения, 1964. – Т. 1. – С. 131–161.

Гугов 1999 – *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII в. и их взаимоотношения с Россией. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 1999. – 685 с.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: веги истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 811 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – 719 с.

КРО 1957 – *Кабардино-русские отношения* в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 1. – 478 с.

Казаков 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – 406 с.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. – Нальчик.: «Эльбрус», 2017. – 707 с.

Кантемир 2006 – *Кантемир Д.К.* История роста и упадка Оттоманской империи // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVII веков. Сборник материалов. – Нальчик: ГП «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2006. – С. 98–104.

Кожев 2019 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVI вв. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2019. – 142 с.

Крушинский 2002 – *Крушинский М.* Черкесские князья в Польше // Генеалогия Северного Кавказа. – 2002. – № 3. – С. 149–151.

Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 371 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Издание республиканского фонда «Возрождение», 1993. – 168 с.

- Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 226 с.
- Ливен 2019 – *Ливен А.* Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. – М.: Университет Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. – XVI. – 560 с.
- Максидов 2003 – *Максидов А.А.* Адыги и народы Причерноморья. – Нальчик: «Эльбрус», 2003. – 119 с.
- Налоева 2015а – *Налоева Е.Д.* О генерале Эльмурзе Черкасском // *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 199–202.
- Налоева 2015б – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник // *Налоева Е.Д.* Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории / сост. А.С. Мирзоев. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – С. 150–162. (Приложение к книге – альбомом из 14 генеалогических карт)
- Народные... 1986 – *Народные* песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. Т. 3. Ч. II / Под ред. Е.В. Гиппиуса; Сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев. – М.: Всесоюзное издательство «Советский композитор», 1986. – 487 с.
- НА ИГИ КБНЦ РАН – *Научный архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН.*
- Озова 2020 – *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552–1829 гг. – СПб: Нестор-История, 2020. – 632 с.
- РГВИА – *Российский государственный военно-исторический архив.*
- Сокуров 1999 – *Сокуров В.Н.* Институт выезда на службу у черкесов // *Эльбрус.* – 1999. – № 1. – С. 97–135.
- Сокуров 2011 – *Сокуров В.* Черкесский кондотьер Ивана Грозного. Князь Махошоко Канокон // *Родина.* – 2011. – № 11. – С. 55–58.
- Сокуров 2017 – *Сокуров В.Н.* Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа / *Çerkes Halkının Tarihinde Politik Yabancılaşma Fenomeni // Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies (JOCAS).* – 2017. – March. – Vol. 2. – № 4. – P. 161–192.
- Смирнов 2005 – *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты: в 2-х т. Т. 1 / отв. ред. С.Ф. Орешкова. – М.: Рубежи XXI, 2005. – 541 с.
- Сукунов, Сукунова 1992 – Черкешенка: сборник / *Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х.* – Майкоп: Республиканское издательско-полиграфическое объединение «Адыгея» комитета по печати и информации, 1992. – 305 с.
- Турецкие... 1883 – *Турецкие* анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-Паши). – Москва: Университетская типография (М.Катков). 1883. – 420 с.
- Хан Гирей 1974 – *Хан Гирей.* Черкесские предания // Хан Гирей. Избранные произведения / Подготовка текста и вступительная статья Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: «Эльбрус», 1974. – С. 55–171.
- Хотко 1999 – *Хотко С.Х.* Генезис черкесских элит в султанате мамлюков и османской империи. – Майкоп: «Меоты», 1999. – 279 с.
- Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия. Генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2017. – 543 с.
- Челеби 1979 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Донья / Пред. А.П. Григорьева; Прим. и комм. А.П. Григорьева и А.Д. Желтякова. – М.: Наука, 1979. – 287 с.

Челеби 1983 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Вып. 3: Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана / Составитель и ответственный редактор А.Д. Желтяков. – М.: «Наука», 1983. – 376 с.

Челеби 2008 – *Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. / Пер. Е.В. Бахревского. – Симферополь: «Доля», 2008. – 272 с.

Лемерсье-Келькеже 2009 – *Лемерсье-Келькеже, Шанталь.* Социальная, политическая и религиозная структура Северного Кавказа в XVI в. // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 272–294.

Шеуджен, Хотко 2019 – *Шеуджен Э., Хотко С.* История адыгов (черкесов): военно-антропологический подход. – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2019. – 392 с.

REFERENCES

Abkhaziya i abkhazy srednevekovykh gruzinskikh povestvovatel'nykh istochnikov [Abkhazia and Abkhazians of medieval Georgian narrative sources]. – Tbilisi: «Metsniereba», 1988. – 180 p. (In Russian)

Adygebze psal'al'e. Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – М.: «Digora», 1999. – 852 p. (In Russian; In Kabardian; In Circassian)

Adygskaya (cherkesskaya) entsiklopediya / Glav. red. M.A. Kumakhov [Adyghe (Circassian) encyclopedia. Ed. by M.A. Kumakhov]. – М.: Fond im. B. Kh. Akbasheva, 2006. – 1247 p. (In Russian)

BARANOVSKY B. *Kavkaz i Pol'sha v XVII* [Caucasus and Poland in the XVII]. IN: *Rossiya, Pol'sha i Prichernomor'e v XV–XVIII vv.* [Russia, Poland and the Black Sea region in the XV–XVIII centuries]. – М.: Nauka, 1979. – P. 24–262. (In Russian)

BELOKUROV S.A. Snosheniya Rossii s Kavkazom. Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo Glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del [Relations between Russia and the Caucasus. Materials extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs]. – М.: Tip. Universitetskaya, 1888. – Iss. 1. – Book 3. – Part 1. – 584 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti. Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v. / Per. E.V. Bakhrevskogo* [Travel book. Crimea and adjacent regions. Extracts from the work of a Turkish traveler of the 17th century / Translated by E.V. Bakhrevsky]. – Simferopol': «Dolya», 2008. – 272 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Vyp. 2: Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Don'ya / Pred. A.P. Grigor'eva; Prim. i komm. A.P. Grigor'eva i A.D. Zheltyakova* [Travel book. Issue 2: Lands of the North Caucasus, the Volga and Don regions / Foreword by A.P. Grigoriev, A.D. Notes and comments by A.P. Grigoriev and A.D. Zheltyakov]. – М.: Nauka, 1979. – 287 p. (In Russian)

ÇELEBI E. *Kniga puteshestviya. Vyp. 3: Zemli Zakavkaz'ya i sopredel'nykh oblastei Maloi Azii i Irana / Sostavitel' i otvetstvennyi redaktor A.D. Zheltyakov* [Travel book. Issue 3: Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran / Compiled and edited by A.D. Zheltyakov]. – М.: «Наука», 1983. – 376 p. (In Russian)

Cherkeshenka: sbornik / Eds. Sukunov Kh.Kh., Sukunova I.Kh. [Cherkeshenka: collection]. – Маикоп: Respublikanskoe izdatel'sko-poligraficheskoe ob"edinenie «Adygeya» komiteta po pechati i informatsii, 1992. – 305 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adyghes: milestones of history]. – Nalchik: El'brus, 2008. – 811 p. (In Russian)

GOGITIDZE M.D. *Cherkesskie voennye deyateli* [Circassian military leaders]. – Tbilisi: Izdatel'stvo «Meridiani», 2013. – 356 p. (In Russian)

GUBOGLU M. *Turetskii istochnik 1740 g. o Valakhii, Moldavii i Ukraine* [Turkish source of 1740 about Wallachia, Moldavia and Ukraine]. IN: *Vostochnye istochniki po istorii narodov*

yugo-vostochnoi i tsentral'noi Evropy [Eastern sources on the history of the peoples of southeastern and central Europe]. – M.: Institut Vostokovedeniya, 1964. – T. 1. – P. 131–161. (In Russian)

GUGOV R.Kh. *Kabarda i Balkariya v XVIII v. i ikh vzaimootnosheniya s Rossiei* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL'-FA», 1999. – 685 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei [The history of the centuries-old unity. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 719 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. – Vol. 1. – 478 p. (In Russian)

KANTEMIR D.K. *Istoriya rosta i upadka Ottomanskoj imperii* [History of the rise and decline of the Ottoman Empire]. IN: *Severnyi Kavkaz v evropeiskoi literature XIII–XVII vekov. Sbornik materialov* [North Caucasus in European literature of the XIII–XVII centuries. Collection of materials]. – Nalchik: GP «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – P. 98–104. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Adygi (cherkesy) na rossiiskoi voennoi sluzhbe. Voevody i ofitsery. Seredina XVI – nachalo XX v. Biograficheskii spravochnik* [Adygs (Circassians) in the Russian military service. Governors and officers. Mid 16th – early 20th century Biographical reference book]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2006. – 406 p. (In Russian)

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoj i voennoi sluzhbe* [Circassians in the Russian state and military service]. – Nalchik.: «El'brus», 2017. – 707 p. (In Russian)

KHAN GIREI. *Cherkesskie predaniya* [Circassian legends]. IN: KHAN GIREI. *Izbrannye proizvedeniya / Podgotovka teksta i vstupitel'naya stat'ya R.Kh. Khashkhozhevoi* [Selected works / Preparation of the text and introductory article by R.Kh. Khashkhozheva]. – Nalchik: «El'brus», 1974. – P. 55–171. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Cherkesiya. Genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego vostoka (XIII–XVI vv.)* [Circassia. Genesis, ethnopolitical ties with the countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries)]. – Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. – 543 p. (In Russian)

KHOTKO S.Kh. *Genezis cherkesskikh elit v sultanate mamlyukov i osmanskoj imperii* [The genesis of the Circassian elites in the Mamluk sultanate and the Ottoman Empire]. – Maikop: «Meoty», 1999. – 279 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVI vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the 15th – 16th centuries]. – Nalchik: KBNTs RAN, 2019. – 142 p. (In Russian)

KRUSHINSKY M. *Cherkesskie knyaz'ya v Pol'she* [Circassian princes in Poland]. IN: *Genealogiya Severnogo Kavkaza*. – 2002. – No. 3. – P. 149–151. (In Russian)

KUSHEVA E.N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei. Vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia. Second half of the 16th – 30s of the 17th century]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. – 371 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)* [Circassian Diaspora in Arab Countries (XIX–XX centuries)]. – Nalchik: IIFE KBNTs RAN, 1997. – 226 p. (In Russian)

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. – Nalchik: Izdanie respublikanskogo fonda «Vozrozhdenie», 1993. – 168 p. (In Russian)

LEMERCIER-QUELQUEJAY, CHANTAL. *Sotsial'naya, politicheskaya i religioznaya struktura Severnogo Kavkaza v XVI v.* [Social, political and religious structure of the North Caucasus in the 16th century]. IN: *Vostochnaya Evropa srednevekov'ya i rannego novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovatelei* [Eastern Europe of the Middle Ages and the early modern period through the eyes of French researchers]. – Kazan': Institut istorii AN RT, 2009. – P. 272–294. (In Russian)

LIVEN A. *Chechnya: tragediya rossiiskoi moshchi. Pervaya chechenskaya voina* [Chechnya: the tragedy of Russian power. First Chechen war]. – M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo; Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2019. – XVI. – 560 p. (In Russian)

MAKSIDOV A.A. *Adygi i narody Prichernomor'ya* [Adygs and the peoples of the Black Sea region]. – Nalchik: «El'brus», 2003. – 119 p. (In Russian)

NA IGI KBNTs RAN – *Nauchnyi arkhiv Instituta gumanitarnykh issledovanii Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Scientific archive of the Institute for Humanitarian Research of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. (In Russian)

NALOEVA E.D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik* [Genealogy of Kabardian princes as a historical source]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 150–162. (An application to the book – An album of 14 genealogical maps is) (In Russian)

NALOEVA E.D. *O generale El'murze Cherkasskom* [About General Elmurz Cherkassky]. IN: NALOEVA E.D. *Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygskogo feodal'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-politicheskoi istorii / sost. A.S. Mirzoev* [Kabarda in the first half of the 18th century: the genesis of the Adyghe feudal society and problems of socio-political history. Compiled by A.S. Mirzoev]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – P. 199–202. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov: v 3-kh t. T. 3. Ch. II / Pod red. E.V. Gippiusa; Sost. V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. Ed. by E.V. Gippius; Compiled by V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev]. – M.: Vsesoyuznoe izdatel'stvo «Sovetskii kompozitor», 1986. – 487 s. (In Russian; In Kabardian; In Circassian)

OZOVA F.A. *Institut amanatstva v cherkessko-rossiiskikh otnosheniyakh: 1552–1829 gg.* [Institute of amanity in Circassian-Russian relations: 1552–1829]. – SPb: Nestor-Istoriya, 2020. – 632 p. (In Russian)

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. (In Russian)

SHEUDZHEN E., KHOTKO S. *Istoriya adygov (cherkesov): voenno-antropologicheskii podkhod* [The history of the Circassians: a military-anthropological approach]. – Maikop: OOO «Poligraf-YuG», 2019. – 392 p. (In Russian)

SMIRNOV V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoi Porty: v 2-kh t. T. 1 / otv. red. S.F. Oreshkova* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Port: in 2 vols. Vol. 1. Ed. by S.F. Oreshkova]. – M.: Rubezhi XXI, 2005. – 541 p. (In Russian)

SOKUROV V. *Cherkesskii kondot'er Ivana Groznogo. Knyaz' Makhoshoko Kanokov* [Circassian Condottier Ivan the Terrible. Prince Mahoshoko Kanokov]. IN: *Rodina*. – 2011. – No. 11. – P. 55–58. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Fenomen politicheskogo otchuzhdeniya v istoricheskikh sud'bakh cherkesskogo naroda / Çerkes Halkının Tarihinde Politik Yabancılaşma Fenomeni* [The Phenomenon of Political Alienation in the Historical Fates of the Circassian People]. IN: *Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi* [Journal of Caucasian Studies (JOCAS)]. – 2017. – March. – Vol. 2. – No. 4. – P. 161–192. (In Russian)

SOKUROV V.N. *Institut vyezda na sluzhbu u cherkosov* [Institute of departure for the service of the Circassians]. IN: *El'brus*. – 1999. – No. 1. – P. 97–135. (In Russian)

Turetskie anekdoty. Iz tridtsatiletnikh vospominanii Mikhaila Chaikovskogo (Sadyk-Pashi) [Turkish anecdotes. From the thirty-year memories of Mikhail Tchaikovsky (Sadyk-Pasha)]. – M.: Universitetskaya tipografiya (M.Katkov). 1883. – 420 p. (In Russian)

VAGNER M. *Kavkaz i zemlya kazakov v gody s 1843 do 1846* [Caucasus and the land of the Cossacks in the years from 1843 to 1846]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sost., red. perevodov, vved. i vstup. st. k tekstam V.K. Gardanova* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries. Edited by V.K. Gardanov]. – Nalchik: El'brus, 1974. – P. 629–631. (In Russian)